

ЗА МИР!

СМЕНА

№ 20

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1953

Тридцать шесть лет назад Всероссийский съезд Советов в воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам», написанном В. И. Лениным, объявил о переходе всей власти в руки Советов.

Первыми декретами Советской власти были декреты о мире и земле.

Эти исторические документы победившей революции, направленные на благо многих миллионов людей, разрешали самые основные, наболевшие вопросы.

Декрет о мире, написанный Владимиром Ильиничем Лениным, предлагал всем воюющим странам начать немедленно переговоры, чтобы заключить справедливый, демократический мир, без аннексий и контрибуций. Заклевав войну как величайшее преступление против человечества, Советское правительство выразило готовность вести переговоры.

готовность вести переговоры.

Огромнейшее значение имел Декрет о земле, который революционным путём решил земельный вопрос, отменяя помещичью собственность на землю немедленно и без всякого выкупа. Больше 150 миллионов десятин земли, находившейся прежде в руках помещиков, церкви, буржуазии и царской семьи, перешло к крестьянам.

Широчайшие массы народа с восторгом встретили декреты Советской власти. В них народ увидел осуществление своих чаяний. Первые декреты Советской власти — это документы огромной исторической ценности, образец величайшей заботы о миллионах массах трудящихся.

РАБОЧИЙ СОЛДАТЪ

Официальный газета Центрального Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Санкт-Петербургъ. 27 Февраля 1917 года. № 10. Цена 10 коп.

СОВѢТЪ

НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Всероссийский Съездъ Советовъ Рабочихъ, Солдатъ, Скихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, постановляетъ

Образовать для управления страны по земле "Учредительное Собрание рабочихъ и солдатскихъ представителей, которое будетъ называться Constituent National Assembly". Заседаниями этого учредительного собрания предполагается управлять народомъ въ течение съезда и всѣхъ послѣдующихъ трехъ летъ, въключая съзывъ всѣхъ национальныхъ собраний, подольше, пока не будетъ сформированъ народный правительственный комитетъ подъ предсѣдательствомъ члена Съезда Народныхъ депутатовъ.

Комитетъ подъ предсѣдательствомъ народныхъ депутатовъ и право "всѣхъ" национальныхъ собраний възвѣшивать на всѣхъ земельныхъ участкахъ въ Россіи, Кавказѣ, Камбасѣ, Китайской Монголіи и Китаѣ.

Въ поспѣшности созыва Попечитель Комиссаровъ составляется изъ съзываемыхъ лицъ.

Приветствіе Съезда — **ВЛАДИМИРЪ УДЫНІНЪ (Ленинъ)**

В. И. Ленин провозглашает Советскую власть.

Картина В. Серова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 20. 1953 год.

Год
издания
30-й

МЫ БОРЕМСЯ

Михаил КОТОВ

НА ТРУДОВОЙ ВАХТЕ

Мастерству питья стали я учился у знатного стальевара Петра Соловьёва. Многим я обязан ему. Он внимательно наблюдал за моей работой, заботливо, как это делают настоящие друзья, помогал освоить сложную профессию. Трудно было простого деревенского парня сделать литецким, но мой учитель был терпелив. Каждый день он показывал мне что-нибудь новое.

И вот окончилось мое ученичество. В один из апрельских дней этого года, перед началом работы ко мне подошёл начальник смены Георгий Нефёдов. Он испытующе посмотрел на меня:

— Ну, Петрухин, пора тебе на самостоятельную плавку.

Нефёдов немного помолчал, видимо, заметив, какое радостное впечатление произвело на меня это сообщение, и добавил:

— Все комсомольцы смены встают на вахту мира. Не поддашь ты?

На вахту мира! Каждый из нас, комсомольцев, готов отдать все силы благородному делу сохранения мира во всём мире, залогом которого является процветание нашего родного Отечества.

В это время пришли мон подручные Николай Нестеров и Алексей Халеев.

Мы становимся на вахту мира,—сказал я им.

Работали мы дружно, плавку дали на тридцать минут раньше графика.

Когда по жёлобу в ковш полилась огненная масса, у меня неизвестно выразилось восхищение: «Вот она, сталь мира!»

С того времени прошло более шести месяцев, а радостное впечатление от первого дня самостоятельной работы у меня не остыло и до сих пор. Мы продолжаем стоять на вахте мира, зная, что наша сталь идёт на укрепление могущества нашей страны, на новые стройки, на удовлетворение растущих потребностей нашего народа. Ежемесячно мы перевыполняем план выплавки стали. В прошлом месяце мы дали сверх задания свыше ста тонн металла.

В эти дни, когда лучшие люди всех стран ведут упорную борьбу за мирное урегулирование международных вопросов, разбирают поджигателей войны, комсомольцы-стальевары нашего завода с гордостью говорят:

— Мы стоим на вахте мира!

Фёдор ПЕТРУХИН,
стальевар завода «Серп и молот».

г. Москва.

Тридцать шесть лет назад, в холодную ноябрьскую ночь 1917 года, залпы «Авроры», прогремевшие над Невой, возвестили о начале новой эры в истории человечества — впервые власть окончательно и бесповоротно перешла в руки народа.

Первыми словами Советской власти было слово о мире, которого с надеждой ожидали миллионы людей.

Со временем Великой Октябрьской социалистической революции и до наших дней Коммунистическая партия и Советское правительство неуклонно, последовательно и настойчиво проводят политику мира — политику, отвечающую жизненным интересам широчайших народных масс. Борьба Советского правительства за мир встречала и встречает горячее одобрение сотен миллионов людей земного шара.

Горячая поддерживает мудрую политику Советского правительства многомиллионная советская молодёжь. Юноши и девушки нашей страны с большим вниманием и сожалением следят за борьбой демократической молодёжи за мир в других странах.

«Отстоять мир!» — таков сегодня девиз молодёжи.

Мир не приходит сам собой, он завоёвывается в борьбе. О растущем стремлении молодёжи всех стран к миру убедительно говорят многочисленные факты. Каждая международная встреча представителей молодёжи является волнующей демонстрацией единства.

...Декабристские дни 1952 года. Вена, столица Австрии. Знаменитый зал Концертхауса заполнен до отказа. Со всех материков и континентов съехались сюда представители народов, чтобы объединить свои усилия в защиту мира, против угрозы новой войны. Среди делегатов Конгресса народов в защиту мира — люди разных общенациональных и взаимодействий, разных классов, профессий. Здесь немало представителей молодёжи всех стран. Молодое поколение присягло на Конгрессе священное четырнадцать своих посланников. Многие из них привезли в Вену, првододели большую трудность. Всех них привело судьба одно желание — отдать свою волю к миру, свою готовность бороться за мир между всеми народами.

На Конгрессе нам не раз приходилось встречаться с молодыми борцами за мир из разных стран, слушать их страстные, взволнованные выступления.

В один из дней работы Конгресса на трибуну поднялась молодой канадец Иван Дюшерм. Он был простым солдатом канадской армии в Корее. Весь Конгресс с большим вниманием слушал речь Ивана Дюшерма. Он рассказал о том, как, будучи безработным, вступил в добровольческую армию, надеясь изучить там какое-либо ремесло и спасти от голода и нищеты. Но через пять с половины месяцев его направили в Корею. Несколько в этой стране, Дюшерм всё чаще и чаще задумывалась: почему он сюда приехал, за тысячи километров от своей родины? Ещё во время пребывания в католической школе он познакомился с тем, как борются его предки за право говорить на своём родном языке, за свою традиции.

— И мне стало понятно, — сказал с трибуны Дюшерм, — почему так мужественно сражаются корейцы за свою национальную независимость. Мне только двадцать лет, но я видел в Корее то, что никому не следовало бы никогда видеть: действие напалмовых бомб, бомбёжки национальных деревень и войск...

В конце своей речи Дюшерм заявил:

— Я, простой солдат, обращаюсь с этой трибуной ко всем отцам и матерям всех стран мира и молодёжи всего мира с призывом не допустить дальнейшего убийства в Корее.

Горячо прознавали призыв молодого канадца:

— Прекратим войну в Корее! Всюду в Корее! Всюду молодёжь обратно на родину!

Его словам бурно аплодировали все делегаты. И когда Дюшерм сошёл с трибуны, со всех сторон к нему устремились молодые делегаты Конгресса.

— Ты высказал наши мысли. Ты поступил, как честный человек, — говорили ему друзья.

Мы тоже вместе боремся против войны, и мы победим, — похвала руки Дюшерма, говорил корейский делегат.

Это была демонстрация великой солидарности молодёжи, борющейся за мир.

Вспоминается встреча с молодыми делегатами Конгресса на одном из венских металлургических заводов. Сюда в гости приехали делегаты Англии, Франции, стран народной демократии. Приехал на завод и советский делегат, молодой рабочий, лауреат Сталинской премии Николай Чикирёв. Гости отвечали на вопросы, рассказывали о Конгрессе. И вот кто-то задал вопрос советскому делегату: правда ли, что в Советском Союзе стахановцы добиваются высоких показателей за счёт перенапряжения? Николай Чикирёв решил ответить на этот вопрос за станком. Сделав нужные приготовления, он пустил станок в ход. Сотни людей в зале следили за его работой. Умельные руки советского стахановца заставили станок работать по-другому, увеличив наконец скорость обработки металла.

Однимнадцать норм вместо одной нормы — таковы были показатели Чикирёва.

— Теперь вы видите, о каком перенапряжении может идти речь, — сказал Николай Чикирёв.

Чикирёва окружили австрийские рабочие. Они долго расспрашивали его о жизни советских людей.

— А ради чего вы так стремитесь работать? — спросили Чикирёва.

ЗА МИР

Всё больше сельскохозяйственных машин даёт колхозам и совхозам наша социалистическая промышленность. Недавно с главного конвейера Минского тракторного завода сошёл первый колёсный пропашной трактор марки «Беларусь».

— Мы стремимся работать лучше и лучше во имя одного — во имя счастья людей, во имя мира, — был его ответ. В этих коротких эпизодах, как в капле воды, отражается воля молодого поколения нашего времени к борьбе за сохранение и укрепление мира.

Правители империалистических стран, подготавливая новую войну, знают, что для того, чтобы осуществить свои агрессивные планы, они должны прежде всего одурманивать молодое поколение, превратить его в беспоротное «пушечное мясо». Именно поэтому в капиталистических странах уделяется так много внимания милитаризации молодежи.

Однако молодёжь всё больше начинает понимать, что опасна для неё новая война.

Юноши и девушки во многих странах смело выступают против войны, молодые борцы за мир срывают планы поджигателей войны, выступают против горючих вооружений, против колониальной политики империалистов, за национальную независимость.

Вместе со всей демократической молодёжью мира активно борются за мир советская молодёжь. Она отдаёт все свои силы делу укрепления мира между народами. Самый главный её вклад в дело укрепления мира — это поддержка на фабриках, в колхозах и совхозах, на полях, в лабораториях, в учебных заведениях — всюду юноши и девушки стремятся помочь своим трудом укреплению своей Родины.

НАШ ВКЛАД

В нашем звене двадцать четыре человека. Наряду с комсомольцами Шурой Малининской, Клавой Крысиной, Зиной Фрыгиной и другими трудятся поисковые колхозницы. Среди них шестидесятилетняя Анна Семёновна Григорьева.

— Я не признаю старость, — говорит Анна Семёновна. — Жизнь кругом цветёт, хорошает, и мне радостно сознавать, что своим трудом я помогаю науке и силу Советской страны.

Анна Семёновна часто рассказывает нам о том, как тяжело жили крестьяне до революции. Эти рассказы вызывают у нас гордость за нашу советскую Родину, стимулируют работать еще лучше.

Несколько лет назад в первом номере журнала мы приводили статьи газет и журналов. Недавно я прочитала статью о том, что империалисты Соединённых Штатов Америки, стремясь к мировому господству, прятавшиеся за обещание мира и свободы, начали новую войну.

Много разговоров вызывала эта статья. Мы вспоминали об ужасах прошлой войны, которая принесла народу столицу горя. Многое, что было в нашей селе, в тот теперешний когда мы заняли село, когда пришли люди из города, о чём война, мы слышали спасибо от кровавых наемщиков американских миллиардеров.

Мы, колхозники, всем сердцем поддерживаем мирную политику национального единства и мира.

В прошлом году наше звено собрало урожай со своих 20 гектаров

значительно больше, чем было намечено планом. С той же площи

в этом году нам собрано по 27 тонн зерна напусты вместо 20 по пла-

ну, по 36 тонн моркови вместо 30. Мы наложили перевыполненный план по сбору поздней капусты, помидоров, огурцов.

Решением Пленума ЦК КПСС, направленным на выполнение мощного по заданию социалистического соревнования, на создание и расширение изобилия продовольственных товаров, у нас встречены с великой ра-

достью. Наши колхозы — богатое хозяйство. Оно будет ещё богаче.

Сейчас мы находимся в строительстве. На берегу озера мы строим трехэтажный клуб. Уже в этом году асфальтированы двери с автомопильными и подвесной дорогой. Каждый третий колхозник после войны покинул село новые домы из трёх четырёх комнат.

Вскором времени мы отстроим детские лагеря и новую хлебозаводческую мастерскую.

Наши планы обширны. Обеспечение этих планов — лучший вклад в дело мира.

Анастасия АЛЕКСЕЕВА,
заневьевская колхоз имени Б. И. Ленина, Московской области.

Чем выше могущество нашей страны, тем прочнее дело мира во всём мире. Советские люди не жалеют сил, чтобы укреплять свою социалистическую Родину.

За тридцать шесть лет, прошедшие с Октябрьской революции, со-ветский народ, руководимый Коммунистической партией, превратил нашу страну в мощную индустриально-колхозную державу. Достаточно сказать, что с XIV съезда партии, когда был взят курс на индустриализацию страны, выпуск промышленной продукции вырос вдвадцать семь раз.

Оригинальные возможности социалистического строя, наша партия наметила пути ещё более мощного развития экономики, сельского хозяйства, расцвета культуры, дальнейшего повышения благосостояния народа. Историческое постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС форсировало советский народ рабочей программой дальнейшего подъёма социалистического сельского хозяйства.

Не сомневайтесь в том, что в кратчайший срок будет организован краткий подъём производства предметов народного потребления и в два-три года резко повысится обеспеченность населения продольственными и промышленными товарами.

Осуществление величественных задач, поставленных перед страной Коммунистической партией, поднимет нашу Родину на ещё большую высоту.

Путь советского народа определён партией, и народ уверенно идёт по этому пути — пути мира, обеспеченной и счастливой жизни.

Фото В. Тюкеля.

было. Каждая из деталей рабочего механизма была сделана. Мы сбрасывали ее за полтора месяца. Сейчас в нем все детали стоят на своих местах. Вот так же и наша бригада. Теперь она у нас собранная, организованная. Каждый из нас знает свою задачу. Но для этого нам потребовалось не полтора месяца, как машина, а несколько лет.

Былая особенно любимые машины. Как ни странно, но это те, работа над которыми шла трудно и беспокойно. Разговор о новой машине необычной конструкции началась задолго до появления рабочих чертежей. Снова, как при выпуске «цимлянских» зернушек в молодежных бригадах. Тогда показали, как первый подал вспышку о шестидесяти в этой машине. Зато говорили об этом и в бригаде Ас-микова.

Водяникову поручали выступить на комсомольском цеховом бюро и заверить, что бригада не подкачет.

— Порукой тому наша крепкая сплайка! — сказал он.

Подиумная машина оказалась трудной. Во время сборки в бригаде дневали и почевали конструкторы. Им не терпелось увидеть свою машину в готовом виде. В отличие от прежних они не имели воли и выглядеть должна была совсем иначе. Но не только это влекло конструкторов в цех. Некоторые узлы новой машины требовали специальной доработки. Оказалось, что во время работы вода может попасть на ротор. Лучше сборщики бригады вместе с конструкторами работали над применением специальных масляных домкратов.

Активнее всех был Валентин Водяников. Он и сам работал хорошо и товарищам помогал.

Заметив организаторские способности Валентина Водяникова, Василий Ильинич стал поручать ему руководство отдельными группами, которые приходилось оставлять на другую смену.

За «цимлянские» машины Василия Ильинича правительство наградило орденом Ленина. Ребята окружили беспокойного бригадира и начали горячо поздравлять. Абрамов возбужденно говорил:

Гидротурбинный цех Ленинградского металлического завода имени И. В. Сталина. Мастер С. Алятин разъясняет задание слесарям В. Водяникову, В. Машинистову, Н. Власову.

Фото А. Михайлова.

В Музее революции

Огромную роль сыграли военные моряки в период победоносного восстания Валентина Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин в самые ответственные моменты боевых действий направлял матросов.

В момент, когда Октябрьская революция находилась на исходе, наступила серьезная опасность контрреволюционного нападения на Петроград.

27 (9) ноября 1917 года

В. И. Ленин по прямому приказу обратился в Кронштадт с требованием немедленно прислать для защиты Петрограда военные моряки, чтобы нутром машины, штыков, но только с людьми верными и готовыми сражаться. С翎ольно у танких людей спрашивали

В. И. Ленин.

— Да пять тысяч! — отвечали Ленину представители Кронштадта.

В. И. Ленин спрашивал матросов, как они относятся к организации Советского правительства и Советской власти.

Ответ: «Власть, передавшая в руки Советов, арестованная у нас с энтузиазмом».

...В государственном музее революции СССР в залах, посвященных подготовке и победе Великой Октябрьской социалистической революции, экспонируется много документов, фотографий, иллюстраций, материалов, вещественных реликвий, а также образцов оружия, предметов вооружения, прародителей революционных матросов дела победы рабочего класса.

Скульптура «Вооруженный революционный матрос» олицетворяет собою величайшую преданность дела победы пролетарской революции.

А сколько еще работы вперед! Страна стоит. Одни из другой вступают в стойкий военно-революционный союз. Как приятно чувствовать, что и ты своим трудом помогаешь Родине! Особенно приятно это чувствовать сейчас, когда партия приняла новые исторические решения. Так, который будет вырабатывать наши машины, пойдет не только на новые заводы, но и в колхозы и МТС.

Василий Ильинич помохал и потом предложил:

— Пройдемся по городу вместе. Весёлые, шумные, они шли по Ленинграду. Закатное солнце золотило башни дворцов.

От Невы тянулся осенний ветерок. Революционная машина, как называли её ребята, была закончена. Мечтам о новых, ещё более оригинальных...

— Нам, — говорил Василий Ильинич, — достаточно теперь нальязь. Сейчас надо о новой машине думать...

Василий Ильинич говорил в этот вечер много и, как всегда, хорошо. Не отставал и ребята.

А на следующее утро, когда все пришли в цех, машина, над которой столько времени работала бригада, была уже обита свежими досками, и от них исходил тонкий сосновый запах.

В. ФЕДОРОВ

Георгий БЕРЕЗКО

ПОДВИГ

ИЗ ВТОРОЙ КНИГИ РОМАНА «МИРНЫЙ ГОРОД»

Только спустя сутки после разгрома гарнизона, французов из Ареоль-спеке отряд солдатов вернулся в Т-обратный тупик, был более трудным. Вспомогательные гитлеровское командование попытало на ноги все ближайшие гарнизоны: засовские и полицеицкие части пытались окружить отряд, «мессершмитты», высматривая его, кружились с утра и до темноты над окрестными лесами. И лыжники уносили с собой раненых, удививших большую группу людей, освобожденных из плена, дважды пришлося принимать бой, чтобы не дать врагу сокнуть кольцо...

Но Володь Тихонов ничего уже об этом не знал, как не видел и того, что Лена неоступно следила за носилками, на которых его несли, что Верёвкин и дело национального героя не осталось у него, усмотреть, какие-либо признаки выздоровления. Жизнь едва тепалась в Володе — подвижником, умоляющим, не приходится в сознание: лицо его страшно побледело, и лишь по редкому дыханию, чуть приподнявшему грудь, можно было догадаться, что его обескровленное, пребитое пулей тело ещё противилось смерти.

— Главное, до города поскорей дойти. А там Володьку быстро вылечат, — твердила Лена Верёвкин, успокаивая также и самого себя. — Доктора свое дело знают...

И он опять — в который раз уж! — возвращался к тому, что больше всего прятало его:

— Я говорю, Володька меры примет, а ты чудеса не веришь... А он видишь, с целиком батальоном занялся. Да ешё паршивцы пришли... Я же зна: Володька товарищей не оставит, не такой человек!

— Я верила, но я боялась, что его тоже взяли гитлеровцы, — оправдывалась Лена.

Как и Верёвкин, девушка не сомневалась, что звон спасением они обители главным образом Володе. И было невыполнимой, безжалостной несправедливостью, что в тот момент, когда она и многие другие как бы вернулись к жизни, он, быть может, уходил уже от них... Вероятно, он очень любил её, Лену. Чем иначе можно было объяснить его постепенную бескорыстную заботу о ней и о незлобивое терпение, с каким он сносил бесчисленные обиды! И, дивясь своей слепоте, своему бессердечию, Лена ужасалась при мыслях, что она уже опоздала признаться ему в своём раскаянии. Точно невидимая, но тем не менее доступная, неподдающаяся стесне отдалась ей из её страны, сквозь которую не могли пройти ни гроты горы, ни пещеры, ни пыль, призывающие. Но застырившимися, бледной лице Володи яснее обозначились теперь темноватые волоски над верхней губой; казалось, он сразу стал памятного старше после всего, что ему пришлось перетерпеть. И, не отходя от него, безвольно покачивающегося на носилках, Лена мысленно обещала ему быть самой ласковой, самой кроткой — только бы он выздоровел, — самой любящей. Ей необходило было сделать что-то большое, способное хотя бы в какой-то мере облегчить для неё сознание собственной неблагодарности. Она решила про себя слабости отныне Володю до глубины старости — только бы он выздоровел.

В течение первой половины для отряда макаровской обороны дремучими лесами дебрями, потом колонна стояла на месте, дожидалась темноты. Пада снег, покрывая, как одеялом, Володю, простёртого на носилках: Лена красными, закочневшими пальцами смахивала снежинки, застревавшие в его волосах. А Верёвкин

всё бегал от одной группы бойцов к другой, стараясь разузнать, как скоро они двинутся дальше. Иногда к девушки подхали кто-нибудь из людей, сидевших с ней в гитлеровской тюрьме, чтобы сказать в ущепление несказанных слов... А на соседних носилках приподнималась моряк с пестрятными ногами и окликав её:

— Сестричка! Ты, когда в город приедешь, требуй, чтобы побольше крови передали твоему дружку... Ты, ежели доктора волнишь станут, бей немедля тревогу... Мы блокду будем...

К утру следующего дня раненых увезло наконец перенести через фронт в наше расположение. Люди на носилках, скопоряли шаг, по склонам, месту под небом, изчерченным светящимися пулемётными трассами, в то время как лыжники отчим сдирывали прессыдователей.

— Ну, теперь Володьке жить до ста пятидесяти, теперь уж не сомневайся! — сказала Лене повеселевший Верёвкин, когда санитария машина увезла раненых в госпиталь.

Однако и там, в госпитале, Володя не стало лучше, хотя трудная, длившаяся около трёх часов операция прошла благополучно. И после того, как Володя сняли с него и понесли в плац, хирург, оперировавший его, сказал медиклинской сестре:

— Пять — семь часов прожигает онё, быть может, десять... — Низенький, стулый, с длинным, неподвижным лицом, он утирал кудрям макаровской мокрой побарабренной лоб... — Что вы там смотрите на меня? Нечего смотреть!

Сестра отвела в сторону глаза и не ответила.

— Что вы молчите? — неожиданно всплыла хирург. — Достойно удивления, что

мальчик вообще дотянулся до операции!.. Если вы кому-нибудь учились, вам должно быть ясно.

Сестра опять промолчала, и врач нетерпеливо взмахнул рукой.

— Перестаньте, — сказал он. — Случай выздоровления при этих травмах насчитываются единицами. И чаще всего нам вообще не приходится оперировать людей с подобными ранениями.

— Простите, но, кажется, я ничем не заслужила такого отношения с вашей стороны, — задрожавшим голосом проговорила сестра. — Мне, конечно, жалко мальчика...

— Некогда нам выяснять отношения! — бросил хирург, маяк к умывальнику. — Готовьте следующего!

Затем он всё же заглянул в палату, послушал пульс юноши и что-то изменил в лечебных назначениях...

«После полудня в госпиталь пришла матер Володя, Ольга Ильинична Верёвкин, вивший на себя жестокую обязанность известить её, была несколько озадачена: казалось, Ольга Ильинична мгновенно догадалась о несчастье, лишь только увидела Верёвкина. Не дав ему выговорить и слова, она крикнула: «Живой ещё? Володя живой?» И, не дослушав сбивчивого рассказа, стала торопливо собираться. По дороге в госпиталь она несколько раз задавала тот же самый вопрос: «Он живой?» Сказки правду: живой? И всё порывалась бежать, но, пробежав несколько шагов, останавливалась: не хотела дыхания. В эту минуту Ольгу Ильиничну впустили лишь на четверть часа, то миновало полчаса, час, а дежурная сестра никак не могла решиться напомнить ей, что пора уходить. В первую минуту Ольга Ильинична как будто бы даже обрадовалась, увидев Володю, — на лице её появилась улыбка. Сев у его коляски, наклонившись, она что-то зашептала, обращаясь к нему, и глаза её выражали не боль, не скорбь, но прослабу... Но затем она начала слегка покачиваться на своём стуле — вперёд и назад, как делают раненые, когда из страданий становятся невыносимыми.

Близился вечер, в палате — небольшой комнатке на две коляки — сестра закутала амулет, а Ольга Ильинична всё так же однобоким покачивалась, сидя подле Володи.

Вечером в госпиталь привезли соседки Тихоновых по квартире — старушка-татышница, дворничиха, бухгалтер Агата Тимофеевна... Пролукса в палату им не дали, и они остались внизу, в вестибюле; здесь же, на лавке у стены, приоткрылись Лена и Витя... Получив отпуск на три дня, они тут же отправились проводить Володю и уже не уходили отсюда.

— Я вот яблочко сущёных принесла... Компот бы Володечке готовить... — неусердно проговорила татышница и вздохнула. — Ах, он отчаянный, неосторожный, ни себя, ни матери не пожалел...

— При чём тут неосторожность? — хмуро спросил Верёвкин. — Если не видели смысла, так и не говорите... Володя подавил язвительную мысль.

— Он герой, понимаете? А неосторожных героев не бывает... — сказала Лена.

— Верно, что герой... соглашалась татышница. — И характером прямой, и на лицо хороши, и сердце светло... Такие-то вот первыми и идут.

И они умолкали, обятые тревогой, скучившись все вместе в углу около широкой лестницы, ведущей наверх, в палаты, боязливо прислушиваясь, встречая выхихающими взглядами каждого, кто в белом служебном халяте проходил мимо.

— Доктора-то что говорят, есть надежда хотя бы? — спросила Агата Тимофеевна. Её голос не ответил.

В это же время койки Володи собирались враги. Они опять посыпали пульс, постояли с тем непрописанным, сопредосточенным видом, что чаще всего скрывает бессознание, — полуоткрытые губы раненого приобрели уже зловещий, синеватый оттенок, — и вышли, стараясь не смотреть

на худенькую женщину с умоляющими глазами, оставшуюся в палате.

Пульс в периферических сосудах почти не прощупывалась, — сказал в коридоре один из врачей. — Сколько лет пареньку? Семнадцать, восемнадцать?

Хирург, оперировавший Володю, досадливо вздёрнула плечи.

— Сестра, товарищ Скворцов, чего вы ждёте? — резко сказала она. — Немедленно грелку к ногам. И приготовьтесь будем перевязывать кровь.

Прошло ещё какое-то время. Володю унесли в операционную и привезли обратно. Наступила ночь, и Ольга Ильинична опять сидела у койки, что-то нащёптывая сыну. Забывшись, она говорила громче... Сыну, который, бледнушкой показалась бы, из-за несчастной беспечальной речи вскакнул, кто падавал бы ей.

— Потомки, Володечка, ничего... Скорее... Скорее... Заживёт и болеть перестанет... — как бы виновато она.

Иногда Ольга Ильинична легонько касалась руки Володи, вытянутой вдоль тела поверх одеяла, и поглаживала её.

— ...Переболеешь, а после и полегчает... А выздоровеешь, дальше учиться пойдёшь. Война кончится, опять на пойки возвращаться... — точно приманивала она сына к жизни. — Так-то хорошо будет... На инженера выучишься, на конструктора, как ты хотел... Ничего, ничего, это пройдёт, Володечка, сынок, пройдёт...

И не уставая, она опять уверяла Володю, что его мучения скоро уж кончатся, опять молила его потерпеть... Не отдавая себе отчёта, Ольга Ильинична пыталась убедить Володю в том, что он должен это он может пересиливать своей некрой. Всем своим существом она переживала сейчас ту страшную, беспомощную борьбу, что происходит в теле сына: она ощущала её, как свою собственную, как отчаянное сопротивление своего сердца, своим кровеносным сосудам, нервам, мышцам... И, стараясь утишить, ослабить телесную боль, которую испытывала, должно быть, Володя, она машинально, бессознательно покачивалась — вперёд и назад — с постоянством маятника.

На сосновой койке заворочалась человек с бледными руками и грудью, заснула в своем тяжком сне и затем изредка кто-нибудь проходил по коридору, и на матовом стекле двери скользила расплывчатая тень.

Истёк ещё час, и что-то изменилось в состоянии Володи: лицо заблестело от обильного пота, а дыхание стало совсем тихим и редким.

Сестра, снова вошедшая в палату, поглядела на раненого и тотчас же ушла, чтобы сообщить об этих дурных симптомах врачу.

Как только дверь за неё закрылась, Володя очнулся — веки его приподнялись наполовину, но из-под них ясно глянули зелено-блестящие зрачки.

— Сыночка! — пролепетала Ольга Ильинична, нагнувшись ниже.

И, вздохи, Волода узнал её.

— Вольми... вольми меня за руку... за правую... проговорила он вянко и требовательно.

Ольга Ильинична обмыла руками сквозь пальцы влажную руку сына; она ждала, что он скажет ей что-нибудь, но он молчал, пристально и загадочно глядя на неё.

Тем временем внизу, в вестибюле, кучка людей возле лестницы увяличилась: пришли узнать о здоровье Володи два его товарища: Вада Лукашевич и Ваня Симоненко; затем появился женский голос Верёвкини, на которой работала Ольга Ильинична; они принесли ей синий белый хлеб и соки... И вскоре гут тоже стало известно, что состояние Володи ухудшилось и пульс у него почти уже не пропускался.

Старушка-табельщица тихонько запла-
кала, услышав это; Лена вцепилась в ру-
ки шинели Верёвкина и отрывисто про-
говаривала:

— Что делать, Витя? Я не перенесу это... Надо же что-то сделать...

— Погоди, я сам пойду к докторам... — сказала Верёвкина со спастрикой решимостью в голосе. — Ты успокойся только...

И, сорвавшись с места, он опрометью, как бы — в шинеле и ушанке, — побежал наверх по лестнице. На площадке второго этажа он остановился, озирался направо и налево: тянулись длинные белые коридоры, виднелись двери, много одинаковых дверей с матовыми стёклами в верхних полошниках; кто-то в больничном халате и на костылях ковылял по коридору, как-то неподвижно тяжелые высохшие металлические скамейки с колесиками стояли вдоль стен, странный аппарат в виде большого ящика со множеством выключателей и измерительных приборов был вынесен на площадку. И Витя невольно почутствовал себя здесь совершенно беспомощным, маленьким, ничтожным. Самый воздух госпитальных тусклое освещённых коридоров был, казалось, насыщён человеческими страданиями — неслышимые вздохи, стоны, сотовование виталии в них. И огромность этого печального мира заставила Витя как бы съежиться внутренне.

Всё же, собравшись с духом, он переступил порог и вошёл в коридор. Надо было во что бы то ни стало удостовериться, что Волода, который не мог уже помнить о себе, не избалован и здоров, помимо него, сотни людей также нуждались в помощи. Могущественные средства исцеления были заключены, быть может, и в этом чёрном ящике с выключателями, поставленном потому-то на лестничной площадке... И мысль, что чего-либо из самых новейших, самых мудрёных средств не испробовано едва для спасения Володи, придала Верёвкину мужество.

Раненый в байковом халате, передвигавшийся на костылях, молодой, с исхудальм лицом, с густыми сросшимися бровями, покорялся с ним...

— Дяденька... — тихо окликнула Витя. — Как мне главного вашего найти, не знаете?

Раненый — лейтенант Грачёв — строго сверху вниз поглядел на круглоголого взвешенного мальчишку в краснозвездной форме.

— Главного врача разыскиваете? Зачем вам главный врач? — сведомил он.

Тон, каким это было сказано, не допускал пререканий, ни промедлений с ответом.

Друг покричит — жалобно вырвалось у Вити. — Тут он у вас лежит. Грачёв нахмурился, точно рассердившись.

— Помирать! — он помочал секунду. — Вы действительно служите в армии? Вы же по возрасту не подходите.

— Не подходим, как же... Волода вот огневую точку подавал! А вы — не подходим. А теперь, говорят, помирают он. И подбодрил у Вити запрыгну, голос осекся, чувство нестерпимой обиды за друга охватило Верёвкина.

— Вы что? — резко сказал Грачёв. — Разве позволительно распустить себя? Вы же физрук!

Но одновременно с этим он положил руку на плечо мальчику, высказывая таким образом свою сочувствие.

Что с вами другом, где и как его ранило? — спросил он. — Пойдёмте на площадку, там есть скамейка.

Не посмев отступать, Витя последовал за этим не совсем обычным человеком, который хотя и опирался на костыли, но разговорился так, точно он и здесь, в госпитале, был облечён особой командирской властью.

— Докладывайте! — приказал он, сел на скамейку.

Мы в разведке были, а гитлеровцы схватили нас, мена и Ленку — длину у меня не помню — и отвезли в тюрьму... торопливо начал Витя.

Но когда он дошёл в рас激情ое до поединка Володи с вражеским пузатчиком, он сам снова разогрязился, и его слушатель также заметно взволновалась.

— Ваш друг прямо на плацемёт броскался! — переспросил раненый лейтенант.

— Ага... Это он нас спасал, как бороду-
ных, — пояснил Витя.

— Ни плацемёт — с гранатой?

— Ага... Тот поднялся в упор, а Володя-
ка идёт себе и не приговаривается... Кругом все залегли, а он идёт себе и идёт.

— Здорово! — тихо проговорил лейте-
нант.

На его худом, по-больничному бледном лице краснозвездное, вдруг явилось, прямому словоистолице, угольно-чёрные брови, приподнявшиеся.

А после как размаживаются, как книжка закричала, не сдергавшись, Верёвкина. Одни тряпки вверх полетели! В самый пульсёт за сорок метров всплыла граната! — Молодец! Отлично! — сказал Грачёв. — Принесли он вас...

— Точно! — хрюпало выкрикнуло Витя. — Вот вам и «не подходит по возрасту»...

— И много узников освободили? — проп-
дохнул распахивая Грачёв.

В эту минуту суровый лейтенант сам был немножко покос на расплывшегося мальчишку, стоявшего перед ним: один из тот же сухой огонь горел в его глазах. И одновременно восторг, владевший душами, такими, как оказалось, родственными. Выслушав Верёвкина, лейтенант вос-
кликунул:

— Конечно, необходимо вылечить ваше-
го Володя! Как его фамилия?

— Тихонов, — поспешно ответил Витя.

Он был убеждён уже, что его собеседник сможет оказать ему важное содействие, и они оба как будто согласились, не говорясь, в том, что исцеление людей находится им по крайней мере должно находиться в прямой зависимости от их боевых заслуг.

Старший научный сотрудник Музея революции, член Коммунистической партии с 1899 года Глафира Ивановна Окулова рассказывает учащимся ремесленных училищ об Октябрьском вооруженном восстании.

Фото Я. Халипа.

Токарь-стажановец Московского инструментального завода комсомолец Анатолий Сигалов.

Фото Г. Ворисов

Грачёв умолял, склонив свою остиженную голову, обдумывая, должно быть, план действий.

— А вы сами кто? Тоже раненый? — учащимся поинтересовалася Верёвкин.

Сестра выплыла из... Тренируясь пока в ходьбе. Утром и вечером, по два часа, — сказала лейтенант.

— Это хорошо! — с жаром одобрила Верёвкин. — Без тренировки, хотя бы и на лыжах нам на коньках, ничего не добьётесь.

Лейтенант доверительно, как товарищу, признался ей:

— Досадно было, понимаешь... В первом же бою — и свалился... Не повезло в общем...

Он поднял костыли, рассказал им и вскочил на одну ногу, затем осторожно опустил на пол вторую. — Так вот, товарищ красноармеец...

— Верёвкин моя фамилия, — вставил Витя.

— Так вот, товарищ Верёвкин, ступайте вниз, дожидайтесь меня там, — виновато по-командирски скучово сказал Грачёв. — С доктором переговорите. И пожалуйста, быть, дело не в том, что я... В какой палате лежит Тихонов? Не знаете? Я узнаю... Ес-ли буде необходимо, я доложу комиссару госпиталя. Всё пока. И смотрите, не распускайте её! — Он поудобнее примирился подушечкой костылей. — Солдат никогда не жалуется, запомните это. Солдат идёт вперед, преодолевая все трудности.

И лейтенант быстро заковылял по коридору: байковый халат, висевший на нём, как на вешалке, развелся.

Сойдя в вестибюль, Витя увидел там ещё одного комирада, разговаривающего с Агасей Тимофеевной и другими женщиными. Как выяснилось, это был адъютант самого командующего всей обороной города. И Лена, показавшаяся Верёвкину смертельно перепуганной, сообщила чрезвычайную новость: в штабе боевого участка стало известно о подвиге, совершенном Володей, и их друг бы представил к награждению орденом Красного Знамени.

— А Володя об этом не знает... Ты толко вообразил... Мы все знаем, а ему и сказать невозможno... — с отчаянием шептала девушки.

Адъютант — в ушанке, надвинутой на брови и набекрень, затянутый в новенькие ремни, — выглядел очень недовольным.

— Медики... — с преображенiem бросил он, отчесывая из какой-то вопрос Агасею Тимофеевну. — И докладывая начальнику госпиталя, что командующий приказал передать рядовому Тихонову личную благодарность. А начальник рукими развел: «В данном время это совершение иска-ченчено».

Но Витя сунула как бы воинсие большой надежды. Было немыслимо, невозможно себе представить, что Володя умрёт, так и не дождавшись награды, и сама эта за-видная награда, сама сверкающая воинская слава, связанные с ней, обильздали его выздороветь. Всё новые и новые арды — их насчитывалось — теперь множеством: друзья и товарищи Володи по частям, соседки по квартире и подруги его матери, товарищи, обособленные из гитлеровской тюрьмы, и неизвестный раненый коман-дир на костылях, начальник госпиталя и генерал, командовавший войсками... — всту-пали в борьбу за его жизнь, отставили её. Весь город знал: Володя, славный боец, верный друг, доблестный разведчик, во опасности даже незнакомые люди тоже же спешно выхватывали из брошенных своих дара. Перед этим солдатом, вспоми-ском, перед всеобщей любовью и заботой, как бы заслонившимися Володе, не могло, не должно было устоять то бесчеловечное, слапотное, чудовищное, что ему угрожало.

— Ленка, я тебе в Высеках этик сказала: Володя, он... — призыв в большом возбужде-нии, заговорил Верёвкин, — не такой он парень... И ты смотри... Мне все сказали командающий... Ленка, помянни мое сасло...

Как ни бессвязно было это, девушка по-настоящему Витя.

Рисунок Л. Халлова.

Жил мальчик в деревне

Жил мальчик в деревне, в лесном крае
И знал только лес, да деревни свою,
Да приуральского неба синь.
Да гору немного повыше осин.
Белела гора над чащёй лесной
Своей известковой белизной.
Любка паренёк вбираться на гору,
Подолгу оттуда двиняться простору.
Простой паренёк темноусый,
Должно быть, тогда и заблудился ты
В мир, где есть высота Эльбруса,
Упорство труда и полёт мечты.

Степан ШИПЧАЕВ

— Не знаю, чего б я не сделала для не-
го! — сказала Лена. — В огонь бы, кажется, пошла...

А наверху подле Володи, попрежнему сидела Ольга Ильинична, склонив обеими руками руки к себе. Волосы её были блестящие, это единственный проблеск света, что проникал из-под краев её ушах: «Возьми меня за руку, за правую!». Ольге Ильиничне казалось, что пока она держит сына за руку, ему не так одиночно. И она спускала его вязые пальцы, точно боясь, что Володя вырвет у неё. Иногда ей мешалось, что он отвечает на её пожатие, что его пальцы шевелятся, и, взглядывая в отливавшее синевой влажное лицо сына, она стремилась угадать, что ещё на-добно для него сделать... Всё в ней необыкновенно напрягалось, на висках выступали набухшие жилки, как от физического усилия. Она слышала глухой, частый стук, но не могла бы сказать, ед ли это сердце бьётся или сердце сына она не существовала сейчас отдельно от него. И, нагибаясь к нему всё ближе, совсем близко, щека к щеке, Ольга Ильинична хотела принять на неё ту муку и тоску, что испытывала.

На воле плачте появился хирург, при-
веденный сестрой, и вокруг Володи возоб-
новилась тихая, быстрая работа: врач вполголоса отдавал распоряжения, сестра поспешно подавала ему ширипы, наполнен-
ный прозрачной жидкостью. Затем был
сделан укол в вену, и Ольга Ильинична, отступивши к стене, со страхом смотрела на алюстру струйку, побежавшую по обна-

жённой, тонкой, бессильно откинутой ру-
ке Володи.

В течение остатка ночи сестра не отдо-
хла уже от раненого. Утром опять загла-
нула хирург, невыспавшийся, всё так же
одетый в рабочий костюм. И, поклонившись, что-
умелое внимательство: знания и упорство
возымели наконец действие: Володя спал,
дыхание у него стало глубже, и легчай-
ший, жалкий, но живой румянец окрасил
его щёки.

Врач сел у окна, достал из кармана часы и долго слушал пульс, отсчитывая
шагом удары: «Одни, два, три, четыре...»
Пока он считал, недовольное лицо его не-
сколько просияло. И, спрятав часы, он
оправил на Володе одеяло с особенной
заботливостью. Юноша, спасённый им, был
ему теперь очень дорог, может быть, даже
более дорог, чем в час операции.

— Что же, товарищ Скворцова, — нача-
он, обращаясь к сестре, — показываете мне
следующего...

Было совсем светло, когда Ольга Ильи-
нична вышла из палаты. Вокруг Володи, в
успокоенном состоянии, находились Ольга и Витя,
успокоившиеся на лавке, да спущинка-та-
бельница, вновь не рассвирепевшая
в госпитале. Ольга Ильинична медленно спускалась, держась за перила, — ей пошатывалася, и она боялась упасть. Но в её запавших глазах было выражение
усталого покоя, нежной радости. И табель-
ница, увидев её, восхлинула:

— Ох, Ильинична! Вот такая же точно
слабая ты была, когда из родильного с
Володей вернулась...

СЛОВО СТРОИТЕЛЕЙ

Фото Я. Халипа.

Вступили в строй величественные здания Московского государственного университета, воздвигнутые на одном из красивейших мест Москвы — на Ленинских горах.

Авторы проекта Л. Руднев, П. Абрамсиков, А. Хряков и С. Чернышев вместе с большим коллективом архитекторов создали замечательный архитектурный ансамбль, свидетельствующий о зрелости нашего советского зодчества и строительной индустрии.

На 240 метров поднимается ввысь главное здание университета — самое высокое здание Советского Союза.

Территория МГУ, включая подходы к университету, составляет площадь в 320 гектаров, что почти в 15 раз превышает площадь, занимаемую Колумбийским университетом в США. Размеры главного здания университета составляют более 2,6 миллиона кубометров. Такой объём зданий равен целому городу, насчитывающему несколько десятков тысяч жителей.

Уже идут занятия на географическом, геологическом, механико-математическом факультетах, расположенных в главном здании, и в отдельных корпусах физического и химического факультетов.

Одновременно строители заканчивают сооружение биологического факультета, института механики, астрономической обсерватории, высоковольтного и гидрологического корпусов, спортивного города с двумя эстакадами павильонами, футбольным, волейбольным и баскетбольными полями, разнообразных мастерских, административного корпуса, складов и многочисленных лабораторий.

На территории ботанического сада сооружаются здания экспериментальных теплиц, вивариев, фотопериодические камеры, вегетационные камеры, почвенные лаборатории и стационар, климатологическая лаборатория и метеорологический пост.

Ботанический сад, занимющий площадь в 42 гектара, является гордостью советской ботаники. Кроме исходящий дендрария, здесь растут дубы, клены, липы, берёзы, гополы, белая акация, сирень, пихты, ели, кедр и многие другие растения. Деревья и кустарники посажены большими живописными группами.

На территории сада также расположены алпинариум с искусственно созданными горами из гранита. Каждая горная местность представлена в алпинариум отдельным участком. Всех растений в алпинариуме более 850 наименований.

Огромную площадь занимает розарий с тысячами кустов роз. Неподалёку в оранжерею — растения тропиков и субтропиков.

Площадки для участников, ветроизолированные полосы, многочисленные пруды, дорожки устроены в ботаническом саду строителями при участии научных сотрудников университета.

Комплекс новых зданий МГУ поражает своей грандиозностью и красотой. Если бы экскурсант захотел заглянуть в каждое из помещений хотя бы на одну минуту, то ему пришлось бы затратить на это более трёх месяцев.

В главном здании и факультетах насчитывается 141 групповая аудитория, более тысячи учебных и научных лабораторий и 21 лекционная лаборатория.

С большой любовью потрудились строители над отделкой актового зала, рассчитанного на 1500 мест. Шестнадцатиметровые мраморные колонны, стены, оббитые шёлковым штукатуром золотистого цвета, и в тон им сделанная бархатная обивка кресел оставляют немагнадимое впечатление.

С противоположной стороны от актового зала к главному зданию примыкает студенческий клуб. Клубная зона имеет зрителный зал на 800 мест, 2 аудитории по 600 мест каждая, выставочный зал «Богатая и красная отрада».

Пройдя парадные этажи главного здания, посетитель поднимается на один из сквозных лифтов в многочисленные студии, научные и учебные лаборатории, читальные залы, в однажды заставленные книгохранилища, на верхние этажи, где расположены музей и ректорат.

Не меньший интерес представляют живые коридоры главного здания, где отделаны и меблированы 5754 комнаты.

Для каждого студента и аспиранта отведена отдельная комната со всеми удобствами.

К услугам студентов прекрасные столовые, поликлиника, почта, телеграф, сберкассы, буфеты, парикмахерские, расположенные в главном здании.

Стены учебных этажей отделаны панелями из ценных пород дерева, мрамором, глазурованной плиткой и другими высококачественными материалами. Широкие коридоры ведут к отделанным мозаичной лестницами, которых только в главном здании насчитывается 122.

Длина коридоров всех зданий, если их выплыть в одну линию, составляет 33 километра.

Обслуживать все здания, сооружения и устройства дворца науки будут 6 тысяч человек.

Масштабы выполненных строительством работ огромны. Для того, чтобы создать весь комплекс новых зданий, пришлось вынуть более 6,8 миллиона кубометров земли, уложить более 480 тысяч кубометров бетона и железобетона.

Механизация каменных и облицовочных работ позволила сэкономить время и труд многих тысяч рабочих. Строительные машины и механизмы заменили до 30 тысяч человек.

Успеху завершения строительства в короткие сроки способствовало максимальное совмещение строительных, монтажных и специальных работ. В то время как на верхних этажах заканчивалась монтаж перекрытий, внизу заканчивалась кладка стен, монтировались перегородки.

Стройка на Ленинских горах — это университет передового строительства. Девяносто процентов строительных рабочих пришли сюда, не имея специальности, квалифицированные рабочие не обладали опытом многоэтажного и тем более высотного строительства.

В строительстве Московского государственного университета принимала участие вся страна. Более 50 организаций работали на эту структуру, а их, в свою очередь, снабжали техникой и материалами сотни других предприятий Советского Союза. Историческое сооружение на Ленинских горах входит в жизнь как величок достояние советского народа.

С. БАЛАШОВ,

главный инженер Управления строительства Московского государственного университета.

Этот снимок был сделан, когда университет только строился. Тогда эти юноши и девушки были бетонщиками, монтажниками, арматурщиками.

Теперь они студенты МГУ.

ДВОРЕЦ ЧУДЕСНЫЙ

Фотоочерк Я. Халифа.

Перед нами чудесный дворец науки — Московский государственный университет. Трудно поверить, что здесь, на Ленинских горах, поднявшихся над Москвой-рекой, 4 года назад были только пустыри да огороды. Сейчас общий объем основных новых зданий университета достигает 2 600 тысяч кубометров. Это примерно объем целого города с населением в 50 тысяч жителей.

Утро. В университет спешат юноши и девушки — представители 57 национальностей. Тринадцать тысяч человек обучается в Московском государственном университете, в том числе свыше 8 тысяч — на факультетах естественных наук.

Идет сводная лекция 1-го курса географического факультета. Таких общих аудиторий в университете более 140. Кроме того имеется 350 научных и около тысячи вспомогательных лабораторий, оборудованных новейшими приборами и машинами.

Вместе со студентами спешат на лекции и преподаватели. В университете их 1 500 человек. На каждого преподавателя приходится только по 9 студентов.

Одна из лабораторий географического факультета. Преподаватель демонстрирует стереопланиметрическую работу на автоматическом стереопараллелеце местности и контуров. Помимо 20 специальных лабораторий, факультет имеет 40 тематических кабинетов по географии.

На 21-м этаже — в Библиотеке географического факультета. Здесь находятся хранилища специальных книг по географии и географическим картам всего мира.

Такие комнаты отведены для комитетов комсомола каждого факультета. Комсомольцы физического факультета обсуждают материалы очередного номера факультетской стендгазеты.

Здесь студенты университета будут получать свои дипломы. Актовый зал рассчитан на 1 500 человек. Стены на этих гордых мраморных колоннах не резные, позолоченные гигантские листы! Кресла обиты золотистым бархатом, а стены — шёлковым штофом.

Пятьдесят четыре уютные двухместные гостиные предоставлены для отдыха жильцов Дома студентов. Здесь можно поиграть на пианино, сражаться с товарищем в шахматы или просто посидеть с книгой в удобном кожаном кресле.

В подарок от страны университетцы получили танце хорошо оборудованные и специализированные для спорта помещения. В них можно заниматься всеми видами спорта.

Одиннадцать этажей занимают хранилища университетской библиотеки. В них собрано 1 200 000 книг. Специальные транспортные доставляют студенту заказанную книгу в течение трех минут. В библиотеке одновременно могут заниматься 1 100 человек. Кроме того читальные залы и библиотеки есть при каждом факультете.

Больше всех новоселью радуются студенты-геологии. В старых зданиях МГУ геологический факультет почти не имел лабораторий и оборудования. Сейчас к услугам студентов и преподавателей специальные кабинеты и лаборатории. В них изучаются химический состав и физические свойства кристаллов, минералов, горных пород и полезных ископаемых. Посыпки с экспонатами минералов поступают на факультет со всех концов нашей страны. Их присыпают танце и зарубежные геологи.

Сорок два гектара занимает ботанический сад, где находится и альпинарий. Здесь вы можете побывать в восхитительном мире горного Казахстана, Алтая, Каракалы, Нижней Памира и других высокогорных краёв. Всех растений в альпинарии более 850 наименований.

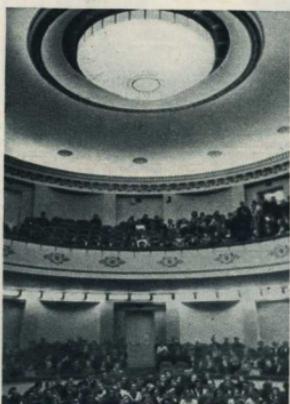
Московский университет — средоточие передовой научной мысли. Дважды в год проводится заседание Ученого совета, обсуждаются учебные программы всех факультетов. Среди членов мы видим О. Ю. Шмидта, Д. В. Снобельцина, А. В. Топчигея и других.

Сто двенадцать скоростных лифтов обслуживают новые здания университета. Лифты управляемы из центрального пульта, расположенного на небольшой цех завода. В то время как лифт за 37 секунд взлетает до 32-го этажа, у диспетчера на экране отражается его путь.

В перерыве студенты плотным кольцом окружают любимого профессора, беседуют с ним.

Студенческий клуб университета по своим размерам — один из крупнейших в Советском Союзе. Зрительный зал в нем рассчитан на 800 мест. Кроме того имеются две аудитории по 600 мест каждая, красивые фоны и комнаты от-

В университете четыре столовые ресторанных типа: две студенческие, профессионально-преподавательская и диетическая. Хорошо после лекций заняться с друзьями нарядной столиками и по до-столисту оценить искусство поваров!

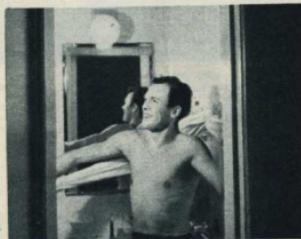
Шестьдесят поваров, не считая технических рабочих кухни, ежедневно готовят для студентов 22 тысячи блюд различных наименований. В отличие от других кухонь общестенного питания супы и борщи варятся здесь не на плитах, а в пароварочных нотках, что сохраняет содержание витаминов в пище.

Ну, а если к вам пришли гости, и хочется побыть с ними в домашней обстановке? Тогда побордеть можно и дома. На любом этаже Дома студентов есть буфеты и студенческие кухни.

Студенческая кухня особенно нравится девушкам. Здесь все продумано до мелочей, все предусмотрено, стюардессы позаботились даже о гладильных досках.

Чистота — залог здоровья! Такую приятную процедуру может принимать каждый житель Дома студентов. Душевая установка с теплой водой действует круглогодично.

Ярко горят настольная лампа, удобен письменный стол. К заутрачним лекциям друзья решим подготавливаться вместе.

Долго не гаснут огни на 32 этажах «чудесного дворца науки». В темноте осенней ночи он сверкает, словно хрустальный!

Расул ГАМЗАТОВ

Два стихотворения

Рис. Л. Хайлова.

Мы склонились дождливым днем.
Мрачны наши лица:
«Нет, мы друг друга не поймем!
Нет, нам не сговориться...»
И, подавляя стук сердец,
С тобой клялись мы оба,
Что это наконец конец,
Что мы враги до гроба.
Под дождь, лежащий с высоты,
Не оглянутьсь смыслись,
Направо и не простился.
Попади, руки тебе не дав,
Я к дому своему не веду.
Неважно, прав или не прав,
— Конец конец всему!..
Все же, этим словом в дом
И замер дверь на краю.
Дождь барабаня за окном,
Темнея крыша туч.
Вдруг вспомни я, что ты идешь
С открытым головой,
Что ты, конечно, без галош,
Что нет плаща с тобою.
И плащ склоняя я в тот же миг
Под дождевые всхлипы
Сквозь дождь помчался направляя
Спасать тебя от гримпа.

Всё, что в нас хорошего бывает,
Молодостью люди называют.
Ны, лучше, непримиримость в спорах,
Говорят, пройдёт, и очень скоро.
Говорят, когда я старше буду,
Я гордостью юности забуду,
От тревог и от дорог устану.
Говорят, я равнодушный стану,
Сделаюсь спокойным и солидным,
Безразличным к славе и к обидам,
Буду звать гостей на чашку чая,
Од друзей арагон не отличая..
Если, правда, может так случиться,
Лучше мне сегодня ж остаться,
Лучше мне такого не дождаться —
Нынче ж в пропасть со склоном

сорваться!

Перевод с аварского
Елена Николаевская
и Ирина Снегрова.

Фото А. Моклещова.

А. БОРИСОВ

В ПРИОКСКОЙ ПОЙМЕ

III
мрота. Рядоме необыкновенное. Плавно течёт Ока в глубокой своей долине. Вечером, в предсумеречные часы, тихая река отражает в себе золотистые берега с песчаными оползнями, с дном краю обрывов... Луга вправо, влево, вдали до горизонта; и стога, стога громадные, как дома, видны километров за пятидцать — двадцать. Прозрачный воздух полон дыханием трав и сена. На просторе лугов хорошо видны уходящего солнца поблескивают озера-старицы, вытянуты и изогнуты дугами русла, установленные рекой, сейчас обмелевшие.

Тишина. Скрипнула где-то недалеко короткая птическая. Долгина бродит, готовится к дальнему ходу на юг. Внизу, будто камень, это брошенный обрыв, плюснувшись крупной волной. Сопле поклоняется к горизонту, и Ока побежала, будто напита молоком...

Вот она, Приокская пойма!

Оке рыбой вдоволь, особенно редкой почему-то в нашем меню стерляди: доходнейший промысел местных рыболовецких бригад. Но не только рыбой богата эта река. Она способна дать тысячи и миллионы киловатт часов электрической энергии; бери её, ведь на фабрики, в колхозы, на фермы.

Около двухсот речек, питавших Оку, несут вместе с полой водой плодородный ил. Вот где выражаются невиданные урожаи овощей и картофеля! Но истинное благство поймы луга, изобилие луга! Ни один гербарий не подаст всей обилия видов луговой флоры Приокской поймы.

Сама природа создала вблизи Москвы замечательные условия для развития земледелия животноводства. Масло, мясо, молоко, яичные и картофель на пароходах, а молоко на экспрессах-танкерах, на машинах, на поездах можно отправлять в Москву. И ради того, чтобы житель столицы мог в избытке получить эти продукты, ради общегородской, благородной задачи — создать в течение ближайших 2—3 лет обильное продовольствие для населения и сырья для промышленности — в сотнях колхозов и десятках МТС Приокской поймы люди очищены подъёмом величайшего строительства. Каждый колхоз сооружает новые помещения для механизированных ферм, закладываются новые лугомелiorативные станции, молокозаводы, рыбозаводы,

осуществляются знаменитые мещерские мыши, корнутятся пни, фрезеруются кочки...

Бурлит народ на пойме.

...Вот почему местный художник нарисовал в стенной газете, что вывешена в избе-читальне самого колхоза имени Кирова, картинку на пейзаже, поле смолевичскую... На небольшом листке бумаги можно увидеть лужок у реки с грядками по берегам, воды, рядом с деревенским наименем и малосемейкой избушкой, расположился стадо коров, все чёрные с белыми пестринами. Неподалёку танет несколько коником, то шоссе мчатся неестественно огромные автомашины, переполненные, видимо, картофелем. В небе роят самолёты.

Однако картинка эта отнюдь не символическая, а скорее реалистическая, хотя художник и собирал воедино всю технику.

На пароме — легковая «Победа» и двухколка с молочными бидонами, в «Победе» Анна Игнатьевна Ефремова, председатель колхоза имени Кирова, вожак, плотная иющая женщина в почтном мужском костюме. Была она по делам в районном центре — в Шилове. У двухколки двадцатидвухлетия. Тоня Кондрашова, учительница молокозаводской школы, с большими зоркими глазами, пищущая здоровою и сильной девушка. Вот она ловко подняла с повозки малый бидон и легко переставила на другое место. Едет Тоня с дневной дойки на молокозавод. Четырежды в сутки девушки бывает у стада, привозят жмы, соль, или камени-лизун, который любят коровы, и увозят молоко, предварительно записав в свой журнал удои. Не Тоня ватник, полье его расплакнуты, и видна ширстянка кофточка с кокетливыми узорами, с шейлоком, гордотином. Но на ногах — высокие резиновые сапоги: не пойме иначе нельзя. Как сегодня удои? — спрашивает Ефремова.

— Ничего, Анна Игнатьевна, только Россия шире листра саваны, у неё что-то глаза заболели. Я утром говорила фельдшеру... Мы кипячёной водой промыли глаза, но они всё равно слезятся... Анна Игнатьевна, почему у нас никогда самолётов не было? — неожиданно спрашивает девушка.

— Каких самолётов?

— Ну, которые рассекают удобрения...

— Вот о чём ты! Да, их пока в Сенском не было. Только совхозы позволяют себе тающую роскошь.

— Но это и нам надо, — искренне удивляется Тоня. — Ведь у нас почти две тысячи гектаров укосных лугов, не считая выпасов. Если сейчас луга мало удобряться, то с помощью самолёта... И будет по шестьсот — семьсот пудов с гектара вместо двухсот — трёхсот, как сейчас.

— Это что тебе всё рассказал! — удивляется теперь Анна Игнатьевна.

— ...районный комсомол... И потом на съезде инженеров-механиков Тоня... Ведь теперь, после Пленума ЦК партии, мы должны...

— Подожди, подожди... Ефремова вышла из машины. — Тебе сколько лет? Девятнадцать? — Анна Игнатьевна глядит на Тоню. Так ей привыкло, притомимо: была ли и она, нынешний председатель колхоза, в девятнадцать лет стол же горячей и наивной Анна Игнатьевна кладёт тяжёлую свою руку на тонино плечо. — Давай подсчитаем, подумаем вместе. Знаешь, сколько самолёт берёт за обработку гектара? Тринадцать сорок. Рубль шестьдесят стоит удобрение. Стало бы, на гектар уйдёт семьдесят три рубля сорок копеек. Так? У нас две тысячи гектаров. Правильно, около полутораста тысяч рублей. А где их взять? У государства взаймы? Так, если мы и так немало получаем в кредит — и на производство и на инвентарь. Вот построим водопровод, силосные башни, купим автомашину, строим скотный двор, механизированный, двести сорок тысяч стоит.

— Значит, не нужно луга удобрять!! — не сдаётся Тоня.

— Ты, девочка, не горячись, подумай хорощенько. Всё мы не сумели решить целиком эту проблему. Гектаров пятьсот под кормами, а на большее не хватило сил. Стадо коров растёт; сейчас триста голов, а через два года шестьсот тридцать будет. Корма нужны. Так что без самолёта не обйтись. Я тебе скажу по секрету: вчера как раз начали письмо в министерство насчитать кое-какие деби и о самолёте тоже сказали, — добавил, гордо колхозом такую сумму платить. Посмотрю, что ответят. А сейчас ездил в райком. Всё спорили там с директором Шиловской МТС. Очень недовольные пока нами. Ну, за посыпки зерна МТС отвечает, это привычно. А луга? Пока всё конной ко-

силкой, а кое-где косой... Зерновые культуры МТС и сеят и убирает, а картофель...

— Куда там! — Тона машет рукой. — Мы вот в поле как раз читали вслух постановление Пленума ЦК партии. Как начали перечислять машины: тут трактор и картофелесажка, картофелесажка и трактор... А потом — специальный автосамосвал для перевозки картофеля. А тётя Даша и говорит: «Сказки, Тонька, в будущем году опять руки садить будем? Нельзя этого допустить! Иди, комсомолец, потребуй машины, а то ведь и руки болят и урожай слабеет».

— Это Тоня, надо было тебе с собой в райком захватить! — говорит Анна Игнатьевна. — Я ведь директору МТС говорю: «Нам новый договор нужен, чтобы машины с весны до поздней осени работали на лугах». Сойдёт, — говорю, — вода, очищая луга, фрезерует почки, реже кусты, а главное — скосы сено, склонки склоны, — и я буду засторож. Всё это и будет комплексной механизацией субборами. Вот какая нам нужна договор с МТС! Долго ли нам ей косой махать да лопатой колоть? Но ведь это не всё. Эмбрион этой машины, — говорит МТС, «Мэко», что можешь, но за тонну берёзовых короблей... Неужели так дорого солётика стоит? Подсчитайте, товарищи, — говорю в райкоме, — сколько обойдётся колхозу удобрить шестьсот гектаров пашни. Подсчитали: смеются! Милион рублей вышло! Всё это, Тоня, получается: рабочим МТС выделят теперь натуральный минимум в зависимости от собранного урожая. Теперь троекратно выгоднее пахать, погружая в почву, да побольше удобренний выметь, да самому проверить бригадир-полевода: хороши ли сенена. Урожай колхозный теперь стал его личным делом. Вот трактористы и накидают на своего директора: мы теперь ремонт проводим быстрее, а ты давай нам на зиму работу в колхозах. А в колхозе им дел хватит и по строительству и на фермах... Ефремова глумливо на приближающийся берег и сказала: — За что же возьмёшься, впереди работы, работы...

Пером уже подходит к берегу.

Пыльник дорога. Это на мотоцикле едет в Спасск Володя Макаров, секретарь Шлыковского райкома комсомола. Не спешит, мысленно задаёт вопросы, произносит речи.

Хороший был парень Володя, когда его, механика МТС, избрали секретарём райкома. Был, потому что все замечания у Макарова новые манеры. Стал он сух, замкнут и официален. Видели все, что это только поза, за ней Володя оставался таким же живым и вдумчивым человеком. Но кому правится, когда разговаривают с тобой не просто, а по-научательнически, когда тебе не помогают, а только указывают...

— Ну, — говорит Нина, товарищи. Что у вас тут такое? Каждый вопрос необходимо разрешить на месте развития животворства! — начинает свою беседу секретарь райкома.

Вокруг него пятачат девушки — комсомольская группа на молочно-товарной ферме с Тоней Орловой во главе, молодой дояркой, Георгием Социалистического Труда, Расказчиками Макаров долго. Начинает Тоня Кондрашова. Она вспоминает о беседе с председателем колхоза на пароме. Говорят, как потом она всё это пересказала своей подружке Нире, и как вместе пошли они к Тоне Орловой, и как не было дома и как трудно было собрать всех колхозников и комсомольцев из деревни, избранных группой Орловой.

Макаров моногнозательно смотрит на часы: очень уж подробно рассказывает Кондрашова. Потом говорит Орлова о соревновании «Картофелев». где она была на экскурсии, об увеличении норм картофеля в рационе сонных кормов, о том, что в телятнице нужно сделать загородку...

Макаров молчит. Но вот группор рассказывает, какой у них план работы: организовать учёт и хранение кормов на ферме. Если потребуется, силами молодёжи оборудовать утеплённое овощехранилище. Сделать описание лугов с помощью школьной комсомольской организации и учитель.

— Это нужно для того, чтобы удобнее распланировать работу тракторной бригады, — говорит Орлова. — Знаете, товарищи Макаров, полной инвентаризации лугов мы не сделаем, а показать, где нужно фрезеровать, где осушительная борозду прорыть, где кусты срезать, это мы можем. Вот и хотим спросить у вас, как мы составляем план или не так.

— А ну-ка, покажите мне это, — говорит Макаров.

— Кого? — удивляется Орлова.

— Но кого, в план работы.

Но выясняется, что плана, написанного на бумаге, нет, что он возник путём долгих споров, советов старших, бесед с пасторгом.

— Нехорошо, — журтует Макаров комсомола. — Во-первых, надо иметь тетрадь, где должен быть список членов группы, план работы, учёт выполнения, протоколы... Как же без этого ты будешь отчитываться?

Да мы ещë почти ничего не сделали, в чём нам отчитываться? — твёрдо говорит Орлова.

И Володя понимает, что начал он не с того.

— План ваш неплохой, — на ходу перестраивается Макаров, — но почему не поставлен вопрос о слюсарях.

— У нас его полностью заложили, — говорит Орлова. — По восемьдесят центнеров на корову. И откуда вы знаете, что в план надо вставить пункт о слюсарях? Всё это вы давно не были в колхозе...

Не скажи этого Тоня, всё произошло бы так, как происходило прежде. Володя Макаров оставил бы после себя листок бумаги, на котором в порядок были бы изложены и блюстены в дальнейшем, а Тоня плюс мог бы составить сотни. Но решил, что для начала делать комсомольским группой фермы в районе, что нужно для того, чтобы повысить удачу в данном стаде, как лучше передавать опыт Орловой и Астаховой, двух доктор-героинь, как устранить недостатки в племянном деле, — всего этого он не знал, эти раньше мало интересовалась, считая, что главное — организовать сверх какой-либо почки и затем его поддерживать во всех колхозах.

Секретаря района молчали. Молчали и девушки.

Но вдруг все пять девушек услышали другого Макарова.

— Знаете, девчата, — сказал Володя, — честно говоря, я немного поостаёт. Давайте вместе начнём. Я здесь несколько денежков имею, кофечко сам узнаю, кое в чём постараюсь вам помочь.

Эти дни быстро промелькнули для Володи. Нет, он не жалел, что приехал в колхоз, что занялся одной комсомольской группой. Он видел, как крепли в своих общественных делах молодые дочки, телятницы, работницы фермы. На его глазах группор, тихая и спокойная, стала превращаться в звёздную группу, стала смелой, настойчивой. Кто же, кроме неё, рассчитывал, что слабый ветеринарный уход за большими коровами ведёт ежедневно к снижению уюдов на 30—40 литров! Она сама поставила этот вопрос перед правлением. И хотя 30 литров являлись двухсотой, или трёхсотой долей всего дневного уюда, правление колхоза принял экстренные меры и прикрепило к больным коровам ветсанитара.

Макаров понял, что в этом большом и хромом пароме, где средние годовые уюды на корову равнялись 2 630 килограммам, комсомольцы Тони Орловой показали всем, что можно от коровы получить более 5 тысяч килограммов молока в год.

И эти перемены в группор Макаров отнюдь не притягивали свою руководством, хотя он немало разговаривал с Тоней и сам советовал ей заняться подсчётом резервов. Комсомольская группа поставила вопрос и о картофеле. В самом деле, в рационе коров картофель занимал самое большое место. В немножко зимовку к 80 центнерам силоса, рассчитанного на каждую корову, прибавлялось и 15 центнеров картофеля. Но всё же его мало. Тоня Орлова видела в костромских колхозах, как эта ценная культура влияет на разdon молока.

По предложению комсомольцев правление колхоза наметило довести урожай картофеля до 5 тысяч тонн, чего должно было хватить и для нужд колхозников, и для ферм, и для местного крахмального завода, который вынужден был возить сырьё издалека.

— Тоня, — дело пойдёт, — говорит Макаров. Хорошо, что девушки тогда газету выпустили, организовали группу с молодёжью и осмотр и мелкий ремонт скотпита. Всё дыша, и правление пошло на выстрел: выдребли плотина. Они стояли на высоком берегу над поймой. Внизу виднелись луга, озёра, старица, стога сена, рядами уходящие к горизонту.

— Гляди, — сказала Тоня Орлова, — в том краю у нас урошице Дегово, а сюда Подгора. Большая, интересная карта получится, если все луга опишать. Вот кто любит природу...

— А ты любишь природу? — спросил Макаров.

— Я здесь выросла... Как же мне не любить нашу пойму! А теперь ещё больше...

На собрание комсомольской группы Анна Игнатьевна опоздала. Подходя, она услыхала, как кто-то упомянул её имя. Она замедлила шаги, и тот же женский голос произнёс: «Конечно, это не годится. Надо предупредить Анну Игнатьевну. Это не метод руководства, «Кто это решил, мне предупреждение делать» — обычно подумала Ефремова.

— Проходите мимо, — сказала Анна Игнатьевна, — спешите, хотите предупреждение мне сдадите? Вы простили... И Ефремова оглядела проницательными девичьими глазами.

— Так, конечно, не положено! — первая нашла Тоня Кондрашова. — Но, поскольку стена газета уже готова, а дунове, может, подскажет Анне Игнатьевне. Вы как, девушки? Ефремова подсela поближе, надела очки и прочитала о том, что учёт коров — дело сложное, и поэтому ведать этим должен специальный человек, скажем, заведующий фермой, а председатель колхоза вмещивается в его функции и отдаёт подчас неверные распоряжения. Так, например, вчера заведующий фермой выпытывал пороскотом один корма, а председатель колхоза — другие. Земства заканчиваются узкими выговорами о неправильном методе руководства.

Анна Игнатьевна сняла очки и задумалась. Дело было не в замечании — случай был пустяковый, — а вывод правильный. Вспомнился разговор на первом... Оказалось, что не всё знает председатель, что приходится его учить. — Что же, товарищи, я учила ваши замечания, — сказала серебристо Анна Игнатьевна.

— Ух, я думала, вы с нами спорите будьте, — засмеялась Тоня Кондрашова. — Рад так, что всю газету можете посмотреть.

Ефремова вновь надела очки и приподняла себе газету.

— Это что такое у вас! — увидела она картину, о которой уже выше была речь. — Семёны распишут уборки? Этого, значит, вы уже утвердили?

— Анна Игнатьевна, но ведь вы сами тогда говорили... — начала Тоня, но Ефремова продолжила с интересом рассматривать рисунок.

— А это правильный, что трактор подсевает травы, — говорит Ефремова. — Добьёшься от МТС. Плоскорез, что в сороковых годах не было, как тут нарисовано. Чертёжистства приносится — самая молчавшая порода, а у нас есть много остирков. Но мы добьёмся злитеного стада, как здесь указано. Такова задача.

Заметив навес и рядом с ним малоценную избушку, Анна Игнатьевна задумалась. Ей понятно: на картине — летнее столово-лагерное помещение для подсевки коров и зверей-тродёрок.

— А не берегу что за грядки? Картофель? — спрашивает она.

— Картофель, — подтверждает Тоня, — для крахмального завода...

— Вот как! — удивляется Ефремова. — Для крахмального...

— Теперь всё зависит от нас, — сказала вся время молчавшая Орлова, — как мы будем попытаться постановление партии. Правильно я говорю, девушки?

...Бурлит народ на пойме!

Заслуженный деятель науки и техники Молдавской ССР Павел Платонович Дорофеев со студентами Кишинёвского сельскохозяйственного института.

Фото А. Моклецова.

ДОМ-МУЗЕЙ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Рисунки А. Паукова.

Город Клин. Дом-музей П. И. Чайковского.

Кабинет композитора.

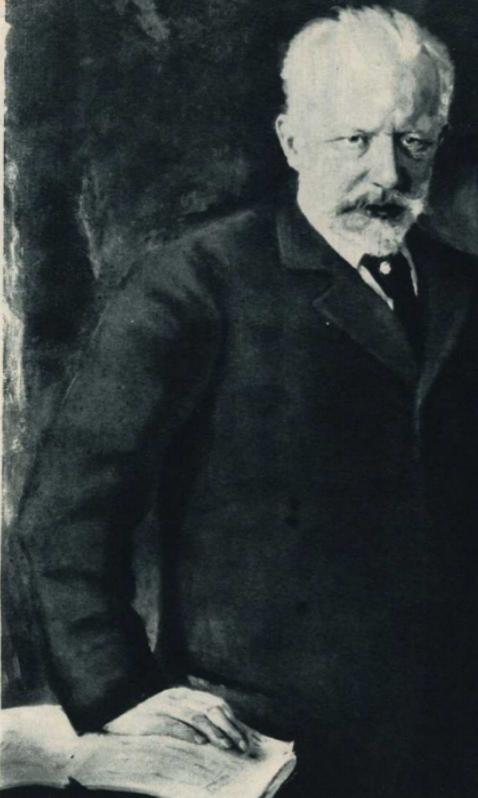
Посетители в залах музея.

На этой скамейке любил отдыхать Пётр Ильич.

ГЕНИЙ РУССКОЙ МУЗЫКИ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Портрет композитора П. И. Чайковского работы художника Н. Кузнецова.

Россия XIX века дала человечеству целую плеяду замечательных деятелей культуры. Среди них почётное место занимает гениальный русский композитор Пётр Ильин Чайковский. К нему по праву можно отнести слова, сказанные им же самим о Льве Толстом: «Его достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним стоят представители всех народов, что делают человечество Европы».

Отмечая шестидесятилетие со дня смерти П. И. Чайковского, мы с гордостью видим, что произведения его становятся достоянием широких масс в нашей стране, в странах народной демократии и всюду, где любят и чтут искусство.

Полные безграничной любви к людям, творения Чайковского покоряют своей простотой, искренностью, задушевностью. В поэтической, волнующей художественной форме композитор передаёт пафос борьбы за светлые идеи свободы и справедливости.

Чайковский выступает и как тонкий психолог — певец красоты и радости жизни. Он воспевает живительную силу любви, которая пробуждает человека лучше качества, помогая преодолеть прелести и недостатки.

Полные безграничной любви к людям, творения Чайковского покоряют своей простотой, искренностью, задушевностью. В поэтической, волнующей художественной форме композитор передаёт пафос борьбы за светлые идеи свободы и справедливости.

Чайковский блестящей страницей действительность в годы расцвета творчества Чайковского. Начав свою творческую деятельность в эпоху общественного подъёма в России, композитор формировался под благотворным влиянием эстетических взглядов Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Творческими принципами Чайковского навсегда стали реализм, народность и демократизм.

Естественно, что принадлежа на смену светлому периоду деятельности революционных демократов жестокая атмосфера «беззременя» была необычайно тяжела для чуткого художника.

«Мы переживаем...ужасное время», — писал композитор в одном из писем в 1878 году, — и когда начинаешь удумываться в происходящем, то страшно является. С одной стороны, совершилось оторванное правильство, до того потерявшееся, что Аксаков ссылается за смелое, правдивое слово, с другой стороны —

несчастный... молодежь, целыми тысячами без суда ссылаемая туда, куда ворон костей не заносил...»

Композитор не смог правильно, до конца осмысливать происходящее, но как истинный патрист, глубоко любящий свою родину, он не мог не ощущать трагичности положения России, изнывающей под гнетом самодержавия.

Сила и жизненность музыки Чайковского — в неразрывной связи с народным творчеством. В своих воспоминаниях композитор подчёркивал: «Я вырос в глуши, с самого раннего детства проникся немыслимой красотой характеристических черт русской народной музыки, я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях. Я русский в полнейшем смысле этого слова...»

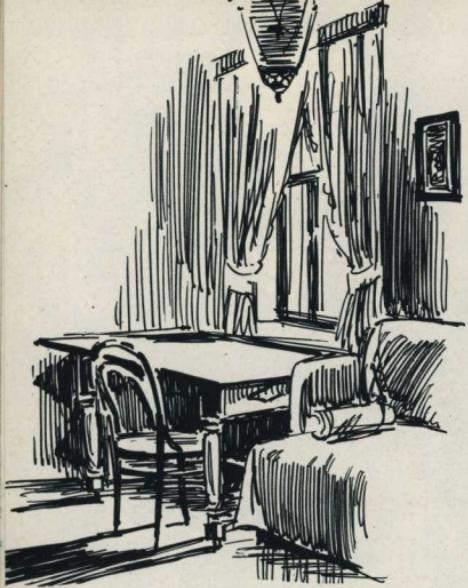
Органично вплетает композитор в ткань своих произведений мелодии, мотивы и ритмы крестьянских и городских песен, танцев, плясок, творчески развивая их средствами высокого профессионального мастерства.

Передко народная песня служит музыканту темой его симфонии, квартета, оперной и фортепианной пьесы. Финал его четвёртой симфонии основан на мелодии русской песни «Всё поле берёза стояла, в finale второй симфонии использована украинская песня «Жураль», а медленная часть первого струн-

ного квартета, так восхитившая в свой времена Льва Толстого, представляет собою разработку народной песни «Сидел Ваня на диване», записанной композитором во время пребывания в местечке Каменка.

Народные мелодии использованы композитором в музыке к драме А. Н. Островского «Недорогие», в операх «Воевода», «Опричники», «Мазепа» и многих других произведениях. Важно, однако, отметить, что близость творчества Чайковского к народной музыке отнюдь не ограничивается умением развитием народных мелодий. Проникновение в стиль и характер народной музыки, постижение народного творческого метода позволяет композитору создавать мелодии, нередко трудно отличимые от народных, и придаёт всей его музыке ту особую душевную теплоту, то ощущение родного, русского, в котором слышатся и голоса русской природы и как бы сама душа русского человека, вспыхивающая в звуках песни.

В своем творчестве Чайковский неоднократно обращается к патриотическим темам, связанным с историческими прошлым русского народа. Таковы опера «Мазепа» на сюжет пушкинского «Полтавы», увертюра «1812 года», посвящённой героической борьбе русских людей с нашествием Наполеона, канта «Москва», воссоздающая страницы истории нашей

Стол, за которым была написана четвертая симфония.
Рисунок А. Пуакова.

столицы. Но тема патриотизма не исчезнула в этих произведениях в творчестве Чайковского.

В симfonиях и операх — о чём бы ни писал, какие образы ни строились бы волюте — Чайковский неизменно остаётся пламенным патриотом. «Я страстью люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лица, русские обычья...» — писал композитор.

Искренность этого языка Чайковского, её мелодическая яркость, изобразение и богатство речи в музыкальном материале, пасленность, проникающая во все жанры творчества, ясность и стройность формы — вот те качества, которые позволяют говорить о стиле

Чайковского как о подлинно русском, реалистическом музыкальном стиле.

Петр Ильин Чайковский родился 7 мая 1840 года в городе Воткинске, где его отец работал начальником казенного завода. Образование будущий композитор получил в Петербургской консерватории, которую окончил в 1859 году. Кафедра чиновника не привлекла Чайковского. С годами в ней крепло решение посвятить себя музыке, к которой его влекло с детства. В 1862 году он становится студентом Петербургской консерватории.

По окончании курса Чайковский ряд лет был профессором Московской консерватории. Свой педагогический опыт композитор обобщил в семинаре им устроенных гармонии.

Несколько лет Чайковский регулярно выступал в лекциях как музыкальный критик — поборник передового национального искусства.

В эти же годы Чайковский сближался с группой композиторов, вошедших в историю русской музыки под названием «Новая русская школы», или «Могучая кучка». Идеологом и руководителем кружка был композитор М. А. Бакирев, в содружестве с которым А. П. Бородин, М. П. Мусоргский, Н. А. Коч и Н. А. Римский-Корсаков. У них была одна цель — служение родному народу, родному искусству, — к ней всем сердцем стремились и Чайковский.

Он во многом не соглашался с «бакинерами», но, так же как и они смело отстаивал интересы русского реалистического искусства.

Чайковский был тесно связан с передовыми деятелями русской культуры: драматургом А. Н. Островским, музыкантами кружком В. Ф. Одоевского, артистами Малого театра. Во многое это обстоятельство знакомство со Львом Толстым, Чеховым и другими выдающимися людьми того времени.

Биография великого композитора, вся жизнь которого была полна неустанных творческого труда, — это перечень созданных им произведений, истории их создания и исполнения.

К раннему периоду творчества Чайковского относится первая симфония — «Зимние гра-

зы», знаменательная богатым и многогранным отображением жизни, стремлением связать картины родной русской природы и душевые настроения человека.

Любовь композитора к людям и вера в них воплощены в ряде сочинений тех лет: увертюре «Легенда», Домашний увертюр-фантазия «Греческая до Римини», симфонических поэмах «Фатум», «Буря», первом фортепианном концерте, второй симфонии, струнных квартетах, «Маланжинской серенаде», балете «Лебединое озеро», романсах «То было ранним весной», «Страшная минута», «И больно, и сладко», «Средь шумного бала» и других произведениях.

Годы творческой зрелости принесли четырёхпятую, шестую и шестую симфонии, лучшие оперы и балеты.

«Опера и именно только опера сближает вас с людьми, родит вашу музыку с настоящей публикой, делает её достоянием... всего народа...» — писал композитор.

Естественный и закономерный для всей системы эстетических взглядов Чайковского, было его обращение к опере Пушкина Гоголя «Мертвые души». Он пишет оперы «Евгений Онегин» (1878 год), «Мазепа» (1883 год), «Черевички» (вторая редакция — 1885 год), «Чорадзе» (1887 год), «Пиковая дама» (1890 год).

В пушкинских операх Чайковского позы и музыка слиты в гармоничном единстве. «Нежный свет, тихая радость юности и весенний расцвет мечтаний юности — вот что вливается в себя эта музыка, до глубины своего существа русская», — так писал об опере «Евгений Онегин» академик Асафьев.

Шестая симфония, которую высоко ценил В. И. Ленин, была впервые исполнена под управлением Чайковского в Петербурге 16 октября 1893 года. 25 октября (6 ноября) этого же года композитор скончался.

Последними произведениями его наряду с шестой симфонией были опера «Молчание» и балет «Шелкунчик».

Подлинно всесоюзное признание Чайковского в наши дни говорит о жизненности и художественной силе его произведений. Сцены и балеты Чайковского не сходят со сцен советских театров, симфонические и камерные произведения звучат с концертных эстрад, передаются по радио, исполняются в кружках художественной самообразовательности. Наследие великого русского композитора оказывает благотворное влияние на развитие советской музыки.

Слава Чайковского давно перешагнула далеко за пределы нашей страны. Его вдохновенные творения помогают советскому народу крепить дружбу и культурные связи с другими народами.

Н. ШУМСКАЯ

ЧАЙКОВСКИЙ НА КЛУБНОЙ СЦЕНЕ

Иван Александрович Варташов стал воспитывать молодых певцов не в трудном, но всесторонне раскрывающем возможностях исполнителя русском и западном классическом репертуаре.

Когда коллектив созрел для серьёзных творческих испытаний, было решено поставить опера великого русского композитора П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Первый спектакль состоялся в любительских пушкинских дни

1947 года. Ещё не было хора, аккомпанировал певцам не оркестр, а рояль, некоторые картины оперы были заменены членением горячие позы. Но зрители, хорошо знающие «артистов» по цеху или конструкторскому бюро, остались очень доволен спектаклем. Многие из них пожелали вступить в вокальный коллектив.

В прошлом году была осуществлена постановка второй оперы П. И. Чайковского «Черевички». К этому времени

в коллективе было уже 32 человека, сорок насчитывая около 60 человек.

Недавно, приедя на одно из занятий, Иван Александрович торжественно положил на стол обрамлённую партитуру новой оперы. Это была «Пиковая дама». Не раз участники коллектива слушали её в театре и по радио, и каждый из них мечтал спеть в ней. И вот, наконец, им, молодому инженеру-конструктору Александровой, браковщике Семёновой, железнодорожнику Органчику, многим другим из товарищей, пришедшим с разными предприятиями Москвы, предстоит самим участвовать в любимой опере!

Л. КУЛИДЖАНОВ

Алексис ПАРНИС,

лауреат Международного конкурса на IV Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Бухаресте

РАССКАЗ О ПОСЛЕДНЕЙ ПЕСНІ

В огне святого сражения,
на боевом посту,
как под тропическим солнцем,
ты бодро взорслело, моя поколенье.
Мы помнили эти трудные годы
за дикую их красоту.

Эти годы,
оны как лавровые ветки,
которыми венчали победителей
наши доблестные предки.
И мы помнили эти трудные годы
за всё, что с ними пережито было,
за то, что они не облегчили умёло,
как листья порой листопада,
а проносились над головою,
один за другим, дохрахом и вся,
яростные, как снаряды.
Мы не жалели о них,
как пуль по врагу не жалеет солдат.
Пусть они не вернутся назад!
Ты помнишь?

Ещё не узев пленами первой любви,
мы принимали крещение
в огне святого сражения,
Когда ритмы работали те пулемёты,
когда родина ввергла нам,
когда ей так не хватало ритма
нашим первым стихам!

Мы были детьми,
когда нацистское знамя,
как зменивное тело, шиншилло над нами,
и язык ядовитый взялся, — вот-вот
и коснётся

золотого гнезда солнца,
где едва оперившиеся птенцы
в первой детской радости щебетали.
...Мрак.

Не видно ни эги.
Не горят фонари на столбах,—
их разбили враги.

Мрак!
Нет!

Сияет со всех площадей,
как огромные красные фонари,
сердца казённых людей.
Сияют!

Сияла мы жадно его,
как птенцы голодные — мать.
Потом научили нас старшие люди не ждать.
Они нас летать научили, указали пути.
Научили нас подняться к вершинам
и солнце найти.

Мы воевали года.
Шёл и он вместе с нами.
Он умел приносить горе врагам
пулями своими,

Памяти Костаса Яннапулоса — греческого поэта-героя, погибшего в мае 1948 года.
За стихотворение «Последняя песня» К. Яннапулосу посмертно присуждена первая премия на III Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Берлине.

Он умел приносить радость друзьям
своими стихами.
Хорошо, когда рядом с тобою поэт,
В окопе холод и грязь.
Кровь на земле запеклась...
Как открыты раны, зияют над головою
красные вспышки боли.
И, как ветка, лишённая влаги,
тело, лишившее сна.
А он расстипал перед нами
песен своих домотканную скатерть,
напоминая, какая ждёт нас весна
и каким он будет нарядным —
победы праздничный стол.

А когда мы ложились на голую землю,
спать,
он клал нам под голову песню,
тёплую словно пастель,
которую мать;
неважную, словно руки девушки,
которая будет жить.
Хорошо, когда рядом с тобою поэт,
который всё перенес нами,
тысячу неподобных мгновений
вдруг умеет сделать стихами,
как из охапки розовых лепестков
делают капли душевного мирия.
Он шёл вместе с нами
не битву во имя мира,
и песня его шла вместе с нами,
— как солдат, грудью вперёд, веруя и горя,
украшенная орденами
четырёхлетней битвы
и розами Декабря¹.

Мы были юны.
Мы шли на встречу заре,
утренней, боевой, человечьей.
Мы были в той чудесной поре,
когда все слова в твоём словаре
имели одно лишь значение:
встреча.

Потому что всё лучшее было ещё впереди,
и шли мы к нему, как на первое свиданье.
Было и ему не больше двадцати,
и песни его не могли иметь другого
назначения.

«Встречай» —
одно из тысяч слов.
Он никогда слово «прощай»,
потому ненавидел врагов,
которые торглись в нас отчий край,
в наши любимые города,
чтобы мы счастью сказали: «Прощай
навсегда».

— А если это проклятое слово
заставляет тебя произнести
пули жестокого боя! —
спрашивали мы у него, отправляясь на бой.
— Тогда его нужно сказать так,
как говорят героям,
лавине на передовой.
Так, чтобы музыкальный марша
оно наполняло сердца человечьи,
так, чтобы оно ускоряло шаг
тех, кто идёт вперёд.

¹ Речь идёт о Декабристском восстании 1944 года в Афинах.

к великой, единственной встрече,
к встрече с победой.
Только так.

В мае,
когда начинаются
самые короткие ночи на свете,
многое ещё не узнал,
многое не изведал,
самую длинную ночь на земле
он в порогах встретил.
Хорошо было поэтом
землю многоязычной своей:
вместе с тем
блинне сердца,
журчанье ручья
переводить на языки людей.
А в эту ночь
он был призван судьбою
все звуки живые
передать на самом красивом из всех
на языке героях.

Полночь.
Луна освещает решётки,
и на пол его темницы
очень ярко и очень чётко
полосатая тень ложится.
Напоминает тебе эта тень
полосы чужеземного флага,
тень которого грозно легла
на каждый твой, Трецца, день.
Но ты знаешь, эта ночь короткой:
нечего делать и думать;
и окончательной роковины
победы выражает решётки
окрепшей своей рукой,
полосатую тень чужеземного флага
навеки гоня
с милой земли проры!
Он это знает,
он в это верит,
но он не увидит этого дня.
Эта ночь,
эта лунная ночь —
последняя ночь.

Рядом с окном его камеры —
цветущая ветка сирени
покачивается на ветру,
как девичья рука,
которая где-то далеко-далеко,
которая ходит и зовёт и манит...
Чего она ждёт, эта девушка?
Она хочет услышать,
как легко постучат его пальцы в раму
в её окна
в час, когда крылья ласточек касаются стен
и крыши...
Но никогда не дождётся этого стука она.
Нет, я не приду.
Да, я очень хотел бы,
чтобы стихи мои
пронеслись, как стрижки, в этот час
из холодных тюремных стен
и волю, на волю!
Под теплые, милые небо
твои голубые глаза.
Да, я очень хотел бы сегодня быть рядом
с тобой.

Как дорожил бы я этой густой темнотой,
доброй, как тень от лист, ложащейся на бульвары,
тёплым крылом укрывающей
влюблённые пары!
Я больше её не увижу —
этую добрую тень.
Я не буду с тобой в тот радостный день.
Но умереть за то,
чтобы счастье людское обрело права,
принадлежащие ему от века, —
это
поверь мне, любимая,
слушай мои слова —
величайшая радость для человека.

Бедные окна бедного городка, они
далеки-далеки...
Словно глаза в слезах, они издали блестят
в тот час, когда заходит луна и
босоногие рыбаки
в открытое море спешат.
Всю ночь они будут бороться с волной,
не покладая рук,
затем, чтобы принести домой

хлеба спасительный круг,
чтоб не погибли дети, голод, в твоей
пучине,
в лачуге, где пол дощатый от моря
и слёз солёны...

...Как отчий свой дом различает
находящийся на чужбине,
так судьбу родного народа из тюремы
своей видят он.

Иолос родного народа
из первых своей слышит он,
как слышит моряк постоянно,
как бы ни был он далеко,
сколько бы не был бы различен,
грозот моря, рёв океана.
Видит... Слышит...
Видит моряк в борту, в которые он ходил,
камеры, где его пытали ночами...
В ней было много народа;
но он был один.
Те, что толпились вокруг, не людьми были,
а плавучими.

Было похоже на то,
как будто он в дикой глухи,
и одиночество много страшней
от того, что волки воют вдали.
Он был один, и друзьями его души
были только тетради стихов.
Он видел, как их соки.

Горели тетради,
Чернели и сбрытывали страницы,
но из них пепла
новая песня, как сильная птица,
вылетала и крепла.
Но даже и ей приказывал он: «Молчи!»
Было его молчанье, столь, сурово.
Сколько же злобности папаша,
с какой злобой искал слов.
Суд ядёт!
Слоном гладьи гранита, сердца падачек.
Нет, не для них из молчания вырывался
дечи его светлый ручей.

Я пою свои песни,
Я в них воспеваю свет.
А вы хотите, чтоб я воспел вашу жизнь,
палачи!
Но в ней ведь ни проблеска светлого нет,
лишь золотые пуговицы
иностранной военной формы
тускло светят в её ночи.
Вы разорите тело мое, как гнездо голубей,
но стихи мои, белые голуби,
улетят, и останутся жить.

Вы на плечи мне взвалите
смертный приговор жизни моей,
но стихи мои вы не сможете к смерти
приговорить.
Никто не может на смерть осудить
память людскую, людскую любовь.

Идут часы.
Во мраке камеры только глаза блестят
да руки листок бумаги гладят и гладят.
Так почтового голубя ласкает солдат,
оставшийся в оседле.
Белый мой голубь, лети, лети!
Отнеси товарищам мой последний привет
ведь на возвращение к нам пути
ничего пригодного нет.
Под окном заревещанным
зеняя поросла травой,
и ночные сверчки звенят, звенят...
Сердце бьется так сладко,
как малчишеским порой,
когда под окном смеются друзья,
вызывают товарищ в сад.

Воспоминания!
Этой ночью лунной
придите ко мне,
не оставляйте меня.
Ты, луна, золоти решётку,
пусть решётка будет, как струны,
пусть гитарою камера станет моей.

Придите!
Я сыграю вам песню такую, —
как дарят дорогих, обнимет она вас.
Принесите!

Вам дорожки свою золотую
по склонному морю
расстелила луна в этот час.
Я такую вам песню
сегодня спою и сыграю,
что влюбится в неё
всей жизнью моей голоса.
Широкая будет песня,
конца ей не будет и края,
все созвездия мира вместят она, как
небеса.

Я сплю в ней про солнце нашего синего
неба,
под которым так много света
и так мало хлеба.
Я сплю в ней про звёзды родного края,
что как хлебные крошки
от солнечного караева.
Сколько вскормлено пыльких надежд
этим неубывающим хлебом,
сколько сильных сердец
верит в завтрашний день учёными
под усыпанным звёздами невесомым небом,
которое дернит белый крамор колонн
Площади!

Одним из таких вечеров я отцу принёс первое своё стихотворение, как нарядную бабочку, пойманную среди роз, приносит ребёнок, прыгая от восхищения.
Я помню весеннее утро.
Щебет из-под стрекоз:
ласточки учат детей летать,
те торопящиеся неумело.
— Эй, Костя, —
отец смеётся, —
когда же твои стихи
крылья своим молодые
распределят широко и смело?

Скоро в доме у нас стемнело,
источника света не стало:
отца увёл нацисты.
Ты только мне снишься, отец.

Лицо твой окровавлено,
скимает твой лоб усталый
проводника конлагеря,
как терновый венец.
— Эй, Костя!

Когда же распраят крылья стихи твои,
Ждать большого невозможного...
— Скоро, скоро, стеч!

Я помню в ночи освещённый дом,
теми парочек за окном.
Это враги танцуют,
отдыхая злобе.

Где тень чужестранца?
Где тень предателя?
Не все ли равно?
Равно черны они обе.
Но вот на светлый квадрат окна
тень ложится другая.
Это тень мстителя,
не отступит она.
Граната готова в моей руке.
Бросаю!
Ты видишь, отец?
Ты слышишь, отец меня?
У песни моей красные крылья,
красные крылья огня.
Самая спокойная
самая слышимая песня
такая, которая песню врага заглушает.
Самая яркая, самая светлая красота
такая, которая очи врага ослепляет.
Не так ли, отец?

Во мраке идут часы и минуты.
Во мраке одна лишь бумага бела.
Одна лишь бумага блестит, как будто
полоски зари.
Но песня уже взошла.
Взошла его песня,
занялась,
поднялась.
Он должен падёт.
Песня встанет на место сражённого.
Я этой радости не увижу,
песня моя родная,
но в судьбу твою верю,
но судьбу твою знаю.
Это судьба песен,
звучащих в любом человеке.
Ты родилась во мраке тюремного,
но — я твёрдо уверен в этом —
люди тебя узнят
и освятят на небесах
светом глаз человеческих,
человеческой жизни светом.

Рассветает,
и вся просьбается в мире.
Какая ясность и чистота
в каждом звуке и в каждом узоре!
Постепенно,
как шлага из ножен,
сверкая вся ярче,
разворачивается вся шире,
из темноты появляется море.
Как будто река разлилася необычайно,
пустынья, вьющую залитыя,
так в золотистых волнах рассвета
тонет ночной мгла.

В оконце тюремы он видит зарю, —
она горит и звучит.
Как золотые струны греческой лиры,
первые солнечные лучи.
Как торжественно ярко придёшь ты и ты,
моего народа рассвет!
Недаром лучше люди земли
готовят тебе много лет.
Гаснут глаза их,
чтобы ты становился светлей.
Проливается кровь,
чтобы ты разгорялся красней.
Ты придёшь,
и матери назовут тебя
имями детей.
Ты, рассвет, разожжён будешь нами,
нами, людьми,
для людей.

Он глядит,
он жаждо глядит на восход,
но вдруг отворачивается
от его золотых лучей,
но потому, что из глаз слеза за слезой
течёт, а потому, что он слышит у двери шаги
своих палачей.
Вокруг был настоящий солдат
стареющий лицом к лицу.
Так и он отвернулся к солнцу,
стал лицом к своему концу.

Вошли,
и камера будто совсем опустела.
Он аккуратно снимает платье,

засвятра его родным отдастут...
Скора будут пинать ногами его неживое
тело,
а пока его старое платье они сапогами
быют.
Там, у плача, есть заплатка —
чёрной нацистской пуги,
коко скользнувшей мимо,
случайный след.
Мать вздыхала, став заплату:
— Будто воры в дом заглянули,
ничего украсть не решились,
а дверь не прикрыли.
Смерть украдь тебя не посмела,
мой свет!

Швыряют рубаху его палачи,
белый платочек с алым сердечком
вспахивают, топут ногами.
Это сердечно вышибают сна...
Это давичье сердце стучит.
Это стонет девичье сердце
под тяжёлыми сапогами.
— Не троньтесь! —
Как странно звучит его голос!
Злобный хохот ему отвечает:
— Не гранаты ли спрятаны там?
Он молчит, он сжимает зубы.
Он взгляд на одежду бросает.
Так припрятана песня,
послана песня...
Он молча шагает к дверям.
Нет, не граната, а песня,
но последней песней своей
он хотел бы сделать страшной гранаты
сердца миллионов людей.

В тюремном дворе протянулись к нему
семнадцать пар рук.
Это семнадцать его друзей.
Семнадцать ушибок,
семнадцать утренних роз расцвело
в колючих шипах, в обнажённых штыках
палачей.
Когда отправляешься в дальний путь,
всегда хороши, близких людей,
когда с собой по пути.
Но до долгого ведущего к смерти,
которой уже не снернуть,
никто никогда не может желать
с родными людьми идти.
Нет, нет!
Но если уж так,
наверное, всё-таки это легче:
близкие люди рядом с тобою.
Хорошо, когда рядом с тобою поэт
в окопе последнего боя.
В песни жизни,
живым для живых пропотей,
рукоплескенья людские
и последней строкой.
Но сегодня
друзья не могут
рукоплескать своему поэту:
руки их связаны за спиной.

Но зато как громко стучат их ноги
по плитам
тюремного двора.
«братья, пройдёмте в танце, в кругу
знаменитом!»

Залонго! Залонго!
Порал Порал

Восемнадцать юношей пляшут.
Им до смерти одна минута.
Восемнадцать юношей пляшут
у гибели на пороге.
А вокруг палачи завывают,
как будто
на гранитные плиты —
не в сердца
топут сильные ноги.
Восемнадцать юношей пляшут
на тюремном дворе.
Так на горных вершинах
орлы просыпаются на заре.
Просыпаются, разминают крылья орлы
на вершинах,
осмыла вокруг мириады горящих росинок.
Восемнадцать юношей пляшут,
посыпают последний привет
тем друзьям, что из окон тюремы
видят их последний рассвет.
Прощайте, товарищи!
Наш час настал,
но вы не плачете на нас,
тогда мы будем вместе.
А если слага наизврочь
пусть будет она из кристалла,
чтобы вы сквозь неё увидели
путь победы к пути вознесения.
Восемнадцать юношей,
восемнадцать ребят.
Палачи отталкивают их назад.
Но никому обратно не повернуть
историю Греции,
её народ.
У них один-единственный путь.
Они сегодня шагнули ёщё на шаг вперёд.

До того, как пузя вошла в его грудь,
он успел увидеть солнце.
День вставал, как содет,
чтоб занять его место в окопе.
Он успел глубоко вздохнуть
и упал, обняв не прощенье
рядом с ним упавших ребят.
Греческую землю
поглощали он в последний раз,
и ухо его уловило в недрах родиной земли
твёрдую поступь товарищей.
Они отомстият за нас!
Из много,
из миллионы,
они идут.
Он улыбнулся!

Переведена с греческого
Маргарита АЛИГЕР.

На тренировке спартанцев старший тренер В. Соколов объясняет задачу А. Парамонову, Б. Татушину (в центре) и А. Ильину.

ПРАВЫЙ КРАЙНИЙ

Трибуны стадиона «Динамо» были заполнены до отказа.

Десятки тысяч болельщиков с нетерпением ждали выхода футболистов. И вот наконец на поле появились спортсмены московских команд «Спартак» и «Торпедо».

Пока шла разминка, болельщики вспоминали свою любимицу — Симоне Никола Гомес. Тишину вскоре прервало уведение в команде «Спартака» под номером семьдесят вышел молодой, подвижный игрок со светлыми кудрявыми волосами.

— Кто это? Новый? — спрашивали друг друга болельщики.

— Да, как будто новый. Раздевалку программа...

Более обездоленные поиски:

— Это Татушкин. Он в прошлом году за дубль играл. Дваждцать лет парни. Хорошим игроком будет.

— Ну, об этом ещё рано говорить. Сезон впереди... — отвечали другие.

Вскоре матча началась. Молодой футболист играл старателенно: он быстро бегал, точно передавал мяч партнёрам, свободно перемещаясь на поле, хорошо издавая мяч на ворота.

К концу игры новый игрок уже успел завоевать симпатии зрителей.

Как и сотни тысяч других мальчишек, Борис Татушкин познакомился с футболом во дворе своего дома. Вместе со сверстниками лизко гоняли потерянный мяч к воротам, гравировали обозначали два кирпича, а порой чайники для кипячения кипятили.

Во дворе познались первые элементы обводки, прорывы с мячом, когда бежишь из всех сил и чувствуешь что-то спиной дыхание догоняющего противника, удары по воротам, после которых обычно разгорались яростные споры, были ли «штанги» или мяч «хоромы».

В отличие от друзей по «эдоловой» команде Борис увлекся футболом вскоре. Он записался в детскую спортивную школу общества «Буревестник» и регулярно ходил на занятия.

Юноша старательно разучивал элементы футбольной техники, отрабатывал точность передачи, силу ударов, правильный приём и остановку мяча. Его упорство вскоре сказалось: он начал переносить своих товарищей, точнее их передавать мяч, лучше быть по воротам.

Тренер внимательно приглядывался к способному подростку. В футболе, как и в любом виде спорта, успех добивается тот, кто больше и настойчивее тренируется, работает над собой. Настойчивости же у Бориса хватало. И он добился первого успеха — его включили в состав юношеской сборной команды Москвы.

Но настоящая школа для Бориса началась тогда, когда он попал в команду мастера московского «Спартака». Тренеры команды В. Соколов и А. Ильин сразу оценили молодого футболиста — быстрый бег, хорошая реакция, сильный удар. Вместе с тем обнаружились недостатки. У Татушкина ещё «хромала» техника, не хватало выносливости.

Борису было у кого учиться: в команде играли такие мастера футбола, как Николай Дементьев и Игорь Нетто, обладающие прекрасной техникой. Особенно внимательно приглядывалась Татушкин к Игорю. Тот пришёл в «Спартак» пять лет назад и за это время стал одним из наиболее техничных футболистов страны. С трибунами стадиона Борис сам не раз восхищался игрой Игоря. Но здесь, в «Спартаке», Татушкин увидел, какого труда стоило Игорю его мастерство.

Борис тоже стал упорно работать над техникой игры. На первых порах ему приходилось нелегко. Он с трудом втягивался в жёсткий режим тренировок и едва успевал призыскать, как тренеры снова увеличивали нагрузку.

Игроки ведущих советских команд обладают большой интенсивностью и выносливостью. Это помогает им вести игру, не сбавляя темпа, не снижая, его до сопротивления. И это, несомненно, помогло Татушкину. Физическая заработка является одной из основ тренировок футболиста. Борис знал это и, следуя указаниям тренеров, играл в волейбол и баскетбол, занимался гимнастикой, бегал кроссами. Включённый в дублирующий состав «Спартака», Татушкин на практике знакомился со спартаковской тактикой, учился разбираться в быстро меняющейся обстановке на поле.

Месяц проходил за месяцем, и Борис чувствовал, как твердеют его мышцы, как он всё меньше устает из-за долгих минут игры. И вот настал момент, когда старший тренер Василий Соколов склонил Татушкину:

— Ну, Борис, будешь теперь играть в основном составе.

Это было весной 1953 года. И вот Татушкин выходит на поле в составе команды мастеров московского «Спартака». Он видит трибуны, полные десятков тысяч людей, слышит приветственный гул, и сердце его начинает биться. Потом короткий вспомогательный мяч забрасывают обе команды.

Мальчик быстро побежал к этому стремительного, ловкого и талантливого игрока. В играх на первенство страны Татушкин показал, что он является достойным партнёром футболистов команды «Спартака» — одной из лучших команд страны.

Если игроки опытные и результативные, но они мало помогают

товарищам, ожидают удобного момента для вступления в игру. Таких игроков не любят зрители. Есть футболисты, которые очень активны на поле, включаются в каждую атаку, помогают своему коллективу вырваться победу. И таких игроков болельщики называют «Иванами». Такими футболистами постепенно стал Татушкин.

Его удачные и неожиданные передачи часто используют товарищи по команде для завершающего удара.

Московские болельщики хорошо помнят игру Татушкина в состязании с киевским «Динамо». На шестнадцатой минуте первой половины игры Борис, получив мяч, развернулся вперёд и, обмундивзащитника, быстро оторвался от него. Защищавший киевлянин кинул мяч на вратарскую площадку, и забавленный Парамонов забил гол.

Во втором тайме Татушкин с самого начала прорвался на вратарскую площадку и резко послал мяч в ворота, а вратарь киевлян успел отбить мяч. Однако через несколько секунд Борис снова получил передачу, с хода ударил и еле находясь в движении, увидел мяч в сетке. Гол!

Это был первый гол, забитый Татушкиным в играх на первенство страны.

Он этого памятного для Бориса дня прошло несколько месяцев. Татушкин участвовал не только во всех играх на первенство, но и в международных встречах, показываясь на играх по футболу.

За упорство, за большую активность и быстроту на поле, за стартательность и тактичность, за скромность и упорство центровой Татушкин был выбран капитаном команды, которая второй год подряд занимала первое место в звене чемпиона страны по футболу.

Осенью этого года Борис Татушкин был принят в комсомол. С этого дня он стал еще строже и требовательнее к себе.

Когда футбольистам московского «Спартака» арвали золотые медали, тысячи людей от души аплодировали своей любимой команде, и часть этих аплодисментов предназначалась самому молодому игроку команды — комсомольцу Борису Татушкину.

В. ВОЛОДИН

Момент игры с тбилисским «Динамо». А. Парамонов с подачи Б. Татушкина (в центре) забивает гол.

В ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОМ РЕМЕСЛЕННОМ

Теперь об этом вспоминают по-разному. «Стариков, то есть те, кто в училище второй год, говорят одно, новички — другое.

Но самое же дело было так.

...Приглашённые на спортивный праздник, приехали ребята в парк «Сокольники». После торжественной части эстраду заняли мастера кожаной перчатки.

Особенно запомнился будущим электрикам борьба, в которой победил Виктор Медников. С затянутым воротником и руками, как опытный мастер серий молниеносных ударов, он заставил отступить противника к канатам, в зеве которых послал его в нокаут.

На другой день в училище тоже было этим и говорили.

— Вот бы нам секцию бокса! — мечтательно произнёс один. — Мускулы будут — вол! Он сделал выразительный жест рукой. — Как говорят. Поверьте!

— Ещё чего выдумали! — вмешались дровчаки. — Кружок вышивания нет? Нет! По очереди надо. Сперва — вышивание, потом — ваш бокс.

Не шумите, дежаву! Вам же лучше будет. Обидят — заступимся.

— Нуужно очи! — За себя по постоять сумейте. А то, кроме «сданий», пока ничего не получается. Иши, нашлись заступнички!

Повидимому, такие разговоры продолжались бы и дальше, но через несколько дней на учрежденной линейке были объявлены о организации секции бокса.

— Приниматься в ней будут только успевающие в учёбе, — сказал при этом инструктор физкультуры.

Взялись с жаром, но вскоре многие охладили и разочаровались: первый месяц ни разу не участвовали в боях.

То, кто думал, что, придя в секцию, сразу начнёт кожаные перчатки и научит выпустить из корешка, первостроители ходят на тренировки. Но многие, присоединившись к этому мужественному виду спорта, остались. Около 150 человек составили костёк секции, в которой сейчас тренируются десятки юношей. Почти в каждой группе московского ордена Трудового Красного Знания ремесленного училища электриков № 28 есть боксёры. Ребята сами соорудили два ринга. Занятия секции ведёт мастер спорта Николай Яковлевич Сафьев. Член секции, второгораздник Владимир Иванов уже занял место в сборной команды Московского совета юношества «Трудовые резервы». С увлечением занимаются лыжным видом спорта Владимир Сидоров, Валентин Носов, член спортивного совета училища Владимир Чуб.

Любят ребята и футбол. В первенстве училища, посвящённом десятилетию спортивного общества «Трудовые резервы», участвовало десять команд.

Провели ребята и командные соревнования шахматистов.

Шестьдесят семь туристов и альпинистов училища побывали в летних походах. Некоторые прошли кемпингу на Карельском перевале, часть учащихся посетила Украину. Но самым трудным и поэтому самым интересным и увлекательным маршрутом был поход по Кавказу.

Летом на Москворечье можно было видеть и гребцов в майках, на которых выше спортивной эмблемы — «РУ-28». Академическая «насымка» училища участвовала в соревнованиях. Все гребцы — ученики одной группы. А тренируют их мастер производственного обучения Павел Николаевич Токмаков.

Имеют значительные успехи члены водномоторного коллектива. Первогораздник Пётр Мильный занял третье место в первенстве страны. Водномоторники училища принимали участие во всех московских соревнованиях.

...В 28-м ремесленном любят спорт. У физкультурников училища хранится очень выразительный показатель спортивной работы — 37 вымпелов, 130 грамот, кубок за победу на зелёном поле стадиона.

К. БАРЫКИН

Руководитель кружка снайперистов токарь Пётр Мильный объясняет молодым водномоторникам кружка, как выйти на редан.

Шахматисты училища проводят очередной турнир.

Идут занятия секции бокса. Мастер спорта Николай Сафьев отрабатывает с учениками приёмы ведения боя.

Крым. Никитский ботанический сад. Отдел цитрусовых растений отправляет посылки опытникам-любителям во все концы страны. На снимке: младший научный сотрудник ком.сомоюза Сергей Косях проверяет качество посадочного материала перед отправкой.

Фото В. Тюнкеля.

